

Изгой. Истерзанные крылья

Автор:

Тати Блэк

Изгой. Истерзанные крылья

Тати Блэк

Полина Рей

Его учили защищать до последней капли крови, сражаться с любым врагом, убивать себе подобных, выполняя чужие приказы. Его учили быть верным и смелым. Бесстрашным и жестоким. Способным быть преданным до последнего вздоха. Но не учили, что значит любить. Всё изменится, когда он встретит обычную девушку с Земли. Она научит его предавать, бояться и быть человеческим. Пренебрегать приказами и бежать от самого себя. Ради неё он будет готов на всё. Но она нуждается только в одном – его любви.

Тати Блэк, Полина Рей

Изгой. Истерзанные крылья

Франция. Наши дни

Дождливые дни похожи один на другой. Серые будни, омываемые ледяными потоками, льющимися с небес. От них не спрятаться даже в небольшой уютной квартирке, в которой пахнет лавандой, красками и кофе. Холодные капли стучат в стекло, как будто напоминая, что в мире есть только дождь, и от него невозможно укрыться, как бы ни старался.

В один из таких дней я пришла домой позже обычного. Мрачный серый вечер очень быстро превратился в тёмную ночь, а я всё не могла оторваться от чтения книги, совершенно случайно попавшейся мне под руку сегодня утром. До этого дня я была уверена, что не способна увлечься историей, далёкой от реальности, но сегодня всё изменилось. Бархатный тёмно-коричневый переплёт, украшенный золотистым орнаментом, похожим на веточки мирта, выглядел солидно и дорого. А желтоватые страницы, больше походившие на пергамент, пахли травами и пылью. Я не могла вспомнить, откуда в книжном магазине, где я работала, появилась эта книга, но стоило только мне погрузиться в чтение, как я пропала для окружающего мира. Просто растворилась в написанном, забыв о времени, и о том, где нахожусь.

«Шезгарт. Суровый мир огня и камня, испещрённый рифтами и высохшими руслами многочисленных рек. Здесь царят ветра и туманы. Сквозь матовую пелену и дым от множества вулканов едва пробиваются алые лучи Флеймода. Шезгарт прекрасен в своей ужасающей красоте, и нет во вселенной другого такого мира.

Населённый нежитью и вечно раздираемый борьбой за власть, он притягателен и пугающ. Любой, кто однажды ступил на его истерзанную землю, захочет вернуться сюда вновь... Если останется жив».

Я посмотрела за окно, где уже всю властвовал поздний вечер, и только тогда поняла, что все разошлись, и я осталась одна. Мысль переночевать на работе была привлекательной, но мне хотелось домой. В уютное тепло своей крошечной квартиры с обоями персикового цвета и светлым ковром на полу. Маленький мир, где всё, непохожее на реальную жизнь, перестанет казаться таким осязаемым и настоящим.

Захлопнув книгу, я положила её в сумку, накинула пальто, взяла зонт и быстро, чтобы не передумать, вышла из магазинчика под дождь.

Было ветрено, холодно и темно. В небольшом проулке играли друг с другом неясные тени, едва различимые в свете уличного фонаря, что мигал, угрожая вот-вот лишить тусклого освещения небольшое пространство между прижимающимися друг к другу домами. Я застыла на несколько секунд,

позволяя дождевым каплям намочить волосы и начать заползать за воротник.

Зонт так и остался нераскрытым, а ключ был зажат в руке, как последняя попытка вернуться обратно и переночевать в магазине. Мне чудилось, будто из темноты на меня направлен чей-то взгляд, а в игре тени и света от мерцающего во мраке фонаря, я даже могла разобрать движение. Почти незаметное. Вот взметнулась пола чьего-то тёмного плаща, и моего лица коснулся ветер. Заворожённая картинками, услужливо подбрасываемыми мне разыгравшейся фантазией, я постояла так ещё немного. Сумка, в которой лежала книга, вдруг показалась слишком тяжёлой. Я удобнее перехватила кожаный ремешок, нашла в себе силы, чтобы отвернуться, и заперла магазинчик.

Раскрыв зонт, бросила последний взгляд на крышу противоположного дома, после чего быстрым шагом направилась к остановке. И в стуке моих каблучков по асфальту мне слышался едва различимый звук чужих шагов.

Только когда добралась до дома и закрыла за собой дверь в квартиру, я смогла выдохнуть с облегчением. Ноздри тут же защекотали знакомые запахи моего дома, среди которых особенно ярко выделялся один. Акварель. Влажный, чуть горьковатый и сладкий одновременно. Мне хотелось нарисовать тот мир с величественным названием, таинственным и мрачным. Купол неба в Шезгарте бархатисто-чёрный, с россыпью звёзд, у каждой из которых есть своё имя. Но их почти не видно – смог от извергающихся вулканов не даёт рассмотреть это великолепие, похожее на драгоценные камни, рассыпанные на тёмном полотне. Откуда я знала, как выглядит Шезгарт? На этот вопрос у меня не было ответа. Но я так живо представляла себе и алебастрово-белые скалы, за которыми начинались земли сильных и могучих бесстрашных воинов, и великолепные дворцы в столицах многочисленных стран, что верила в существование этого мира. И в то, что я уже бывала там однажды.

Пройдя в кухню, я поставила раскрытый ярко-красный зонт на пол, чтобы с него стекла вода, заварила себе чаю и, устроившись за столом и даже не удосужившись переодеться, вновь принялась за чтение книги. Особенно меня привлекали те главы, где рассказывалось об айранитах – храбрых воителях, что были способны победить дракона. Их обучали искусству войны с самого рождения, не делая различий меж мальчиками и девочками, готовя элитных

стражей и телохранителей для королей и королев, князей и княгинь фейри или для тех, кто мог позволить себе взять в наёмники такого воина.

Пролистнув несколько страниц, я в который раз принялась рассматривать изображение – мужчина с крыльями, распахнутыми за спиной, взмывал в воздух, держа в каждой ладони по длинному острому клинку. Его глаза, затянутые зеркальной чернотой, казались слепыми и притягивали моё внимание, будто изображение айранита было живым. Ещё в магазинчике я так пристально изучала этот рисунок, что он отпечатался в моей памяти. Каждая чёткость, каждый штрих и каждая тень – я могла в точности повторить всё, изобразив на холсте. Но в отличие от рисунка в книге, мой был бы более живым. В него бы я вложила всю себя.

Эта мысль не давала мне покоя, но одновременно пугала. В воображении я видела себя, сидящей на полу перед холстом, на который я наношу разноцветные штрихи, а рядом – незнакомца, чьи глаза затянуты зеркальной чернотой. И я не знала, чего во мне больше – желания или страха.

Мою жизнь нельзя было назвать ни интересной, ни насыщенной событиями. Замкнутость, дни, похожие друг на друга как две капли воды, дом-работа, попытка спрятаться в стенах квартиры, которые иногда неимоверно давили – вот то, что составляло моё существование последние три года.

Но так было не всегда. Просто однажды кто-то наверху посчитал, что моего мимолётного и хрупкого счастья, когда я была любимой дочерью и обожаемой будущей женой, с меня хватит, и забрал то, что было самым дорогим и важным. А меня оставил взаперти в тесной клетке понимания, что я теперь одна. И так будет до конца моих дней.

Почему я, листая книгу, вспоминала о том, о чём так старалась безуспешно забыть, я не знала. Но так живо представляла себя, ступающей по выжженной, покалеченной, но величественной земле Шезгарта, словно это было наяву. Там не было бы боли, что испытывала каждый раз, когда в памяти всплывали образы родителей или моего будущего мужа. Там всё заместилось бы восторгом от того, что я покинула душную клетку собственной тюрьмы. И душа стала бы наполняться другими, не такими болезненными впечатлениями.

Оставив чай нетронутым, я всё же снова закрыла книгу и, буквально сорвавшись с места, побежала в комнату. Небольшой шкаф, кровать, диван у окна, прикроватная тумбочка и осторожно составленные в один угол принадлежности для рисования – нехитрая обстановка умудрилась заполнить собой едва ли не всю крохотную спальню. Я не стала включать свет, хватало и того, что мрак был рассеян отсветами далёкого уличного фонаря. Темнота, тишина, лишь изредка нарушаемая шорохами, запах красок и желание рисовать. Опустившись на пол, на ощупь взяла кисть, палитру, придвинула к себе холст. Шероховатая поверхность, к которой я прикоснулась, послала по моему телу волну необъяснимого возбуждения. Я устроилась удобнее и задумчиво повертела кисть, прежде, чем отложить её. Рисовать я буду пальцами, чтобы прочувствовать всё. Липкое ощущение прохладного разноцветья красок на коже, касание шершавой поверхности холста, каждый штрих, каждый оттенок, даже запахи.

Этот мужчина с распахнутыми за спиной крыльями пах дождём и пеплом. Рядом с ним по левую руку – белоснежные скалы, скрытые туманом, по правую – взметнувшийся в воздух сноп искр от яркого пламени. Огонь, влажная стылость тумана, запах дыма и горечи. Холодные капли дождя и аромат далёкого моря.

Мой айранит.

Я закончила далеко за полночь, всё то время, пока мои пальцы порхали по холсту, нанося на него штрихи и вырисовывая тени и отблески, пребывая в состоянии полного погружения в собственную иллюзию. Окружающий мир исчез, не было ни персиковых обоев на стенах, не светлого ковра под ногами. Я была в Шезгарте, в котором стала одной из создательниц тех удивительных существ, что обитали в этом прекрасном мире.

Поднявшись с пола, включила ночник и придирчиво осмотрела результат своей работы. Никогда у меня ещё не получалось настолько «живой» картины. Казалось, в любую секунду айранит может сойти с полотна, распахнув крылья и укрывая ими от всего, что меня когда-либо пугало. Чёрные бездонные глаза, словно настоящие, следили за каждым моим движением, каждым взглядом, каждым шагом.

Жар бросился мне в лицо, заставляя кожу «гореть». Внизу живота стало нестерпимо горячо. Я испытывала возбуждение, страх, жажду, и не понимала, какого из ощущений больше.

С трудом оторвавшись от картины, я отвернулась и открыла шкаф перепачканными руками, но чувство, что за мной наблюдают, не исчезло. Всё это выдумка, химера, игра воображения, – напоминала я себе, когда стаскивала одежду, чтобы пойти в душ. Но ничего не исчезало. Моей обнажённой кожи всё так же касался горящий взгляд, а в горле пересыхало от жарких волн искушения повернуться и снова смотреть на айранита. Всё же найдя в себе силы, я вышла из спальни, надеясь, что моё состояние исчезнет, когда я приму душ и вернусь обратно. Оно пугало меня. Я совершенно не хотела сходить с ума из-за выдуманного мужчины, который существовал только в моём воображении.

Забиться беспокойным сном, который навряд ли был способен принести долгожданный отдых, мне удалось только на рассвете. Мне снилась бескрайняя пустыня, по которой я брела, не зная, куда иду. Алый песок, простиравшийся на много миль кругом, сливался на горизонте с безжизненным серым небом. Ветер, налетавший злыми короткими порывами, поднимал в воздух красную пыль, и она проникала в глаза, рот, нос, забивая их, понуждая безостановочно кашлять. Я не испытывала ни страха, ни боли от обжигающе-раскалённого песка под ногами, ни желания покинуть эту пустыню. Ровно до тех пор, пока рядом со мной не взметнулся вверх сначала один фонтан песка, потом ещё один и ещё. Змеиная голова, показавшаяся из-под алой толщи, ощерила пасть, и я вскрикнула. Песок закрипел на зубах, оцарапал горло, но я не чувствовала этого. В ужасе, смотрела на то, как следом за змеей из земли поднимается чёрная фигура в плаще, следом точно такая же в паре метров и чуть поодаль ещё одна. Сотканые из клубящейся тьмы, фигуры покачивались в воздухе, чутко следя за каждым моим движением. Мне казалось, стоит только развернуться, чтобы попытаться сбежать, как на меня набросятся и утащат под красный песок. Я крепко зажмурилась, а когда открыла глаза, оказалась лежащей в собственной постели.

Это тоже был сон. Рядом со мной, укутанный вечерней мглой, сидел незнакомец, чьё лицо было скрыто капюшоном, надвинутым на глаза. Стоило только протянуть руку, и я смогла бы дотронуться до него, убрать капюшон с лица, чтобы рассмотреть, как выглядит мужчина. Но я не решалась. Сглотнув, я перевела взгляд на холст, что так и стоял в углу комнаты, и едва слышно

выдохнула: он был пуст и слепяще белел в темноте девственной чистотой. Айранит сошёл с полотна и теперь сидел рядом со мной, наблюдая за тем, как я сплю.

– Я пришёл за тобой, – сорвалось с его губ тихим шелестом. Он не пошевелился, просто произнёс эти слова и теперь ждал моего ответа.

– Зачем?

Глупее вопроса нельзя было и придумать.

– Мы отправляемся в Шезгарт.

– Зачем? – Ещё один глупый вопрос. Но ведь это сон, здесь можно позволить себе побыть немного душой.

– Ты всё увидишь сама.

Он протянул мне руку ладонью вверх, и капюшон сполз назад, открывая моему взору зеркально-чёрные глаза. Я подалась к нему, но не успела толком разглядеть лица. Чем сильнее всматривалась, тем больше его черты скрадывала тьма.

– Как тебя зовут? – прошептала я, но он лишь покачал головой, поднимаясь на ноги. И стоило мне последовать за ним, как я поняла, что просыпаюсь.

– Здесь кто-то есть? – выдохнула я испуганно, садясь на постели и осматривая комнату невидящим взглядом. Серый унылый рассвет разбавил темноту, позволяя видеть очертания предметов, но вместе с тем поселил в углах чёрные тени. Будто темнота отступила, прячась там, где до неё не мог добраться свет. В комнате никого не было, только лёгкий ветер играл занавесками на окнах, создавая впечатление, что за ними кто-то прячется. Я нахмурилась, откидывая одеяло. Не помнила, чтобы открывала окон перед тем, как лечь спать. Встав с постели, я склонила голову набок и прислушалась к звукам, силясь расслышать хоть что-то в тишине квартиры. Едва заметный звук шагов, дыхание или даже шёпот. Ничего. Безмолвие наполняло пространство, окутывало и обнимало,

словно кокон, в котором я начинала задыхаться. Всё было таким же, как и обычно, но чьё-то незримое присутствие, которое я, скорее всего, выдумала, меняло знакомые очертания до неузнаваемости.

Поднявшись с постели, я подошла к окну, отодвинула занавеску и выглянула на улицу. Пустынно, как и обычно утром, когда на часах нет и шести. Вздохнув, развернулась и побрела на кухню сварить кофе. Разочарование было таким сильным, что начинало есть меня изнутри.

* * *

Упрямый дождь, неспешный, как людские толпы, плывущие по парижским улицам, выстукивал мерную мелодию на крышах домов, видевших за время своего существования больше, чем я за свою – тоже отнюдь не короткую – жизнь. Стена дождя, опустившаяся на город влажной завесой, делала яркие мириады его огней расплывчатыми и призрачными.

В те редкие мгновения, когда я позволял себе отвлечься от основной цели, меня поражал вид того, что человек способен создать собственными руками. Многочисленные башни причудливых форм, тюрьмы, похожие на дворцы, и величественные купола церквей – всё это было так непохоже на мир, откуда я пришел.

Шезгарт – мрачный мир тумана и вулканов, был прекрасен в своей строгой, первозданной красоте. Разнообразные расы, населявшие его, не смели соперничать с богами в великолепии того, что те дали им при сотворении мира. У людей же всё было с точностью до наоборот.

Жители Земли считали себя всемогущими. Они придумали кучу затейливых машин и приборов, которых не было у нас, шезгартцев, но не стали от этого счастливее. Они пытались упростить свою жизнь, но вместо этого лишь усложняли её. Они строили церкви, чтобы сквозь глухие стены говорить с Богом, вместо того, чтобы обращаться к небесам в открытую. Чаще всего люди поднимали глаза к небу только для того, чтобы проклясть его за надоедливый дождь или чрезмерно яркое солнце. Они перестали быть благодарными за простую возможность жить. Но именно их эгоистичная невнимательность и позволяла мне сейчас оставаться незамеченным, сливаясь с остроконечным шпилем часовни Сент-Шапель, откуда я терпеливо наблюдал за одиноким

светом в одном из окон первого этажа в доме на бульваре Пале.

Сегодня она задержалась здесь дольше обычного. Острым взором, способным прекрасно видеть даже с очень дальнего расстояния, я неотрывно следил за низко склоненной над столом головой. Что такого нашла она в этой книге, что не могла оторваться уже несколько часов? Я поймал себя на том, что невольно испытываю интерес. Это было необычно. Я так давно подавил в себе любые чувства, что считал, что уже и не способен на них вовсе. В какой-то момент я превратился из активного участника жизни в её созерцателя. Я делал то, что должно, и почти не позволял себе думать о том, что желал бы делать, если бы имел такую возможность.

Конечно, придя в этот мир в качестве одного из айранитов – элитных воинов, с детства заточенных на то, чтобы служить другим, я уже не имел свободы выбора. Я ел по расписанию, жил по расписанию, наверное, даже дышал по расписанию. Меня учили беспрекословно подчиняться чужим приказам, учили быть верным псом, учили не иметь собственного мнения. Последнее я усвоил далеко не сразу, за что в итоге и получил жестокий урок.

Мир айранитов и устои, по которым мы живём, не прощают никаких – даже самых мелких – ошибок. Не дают второго шанса. Не знают жалости и пощады. И ты либо быстро усваиваешь эти простые истины, либо становишься тем, кем я в итоге и стал. Изгоем.

Хотя судьба, в конце концов, оказалась ко мне добра в тот день, когда я встретил на пути своего нынешнего хозяина – Морхира, одного из самых могущественных князей фейри. Именно по его приказу я прижимался сейчас к холодному мрамору капеллы, наблюдая за той, что стала смыслом моего пребывания на Земле.

Наконец свет в огне погас. Я мягко спланировал на землю и затаился за углом здания. Женская фигура выпорхнула наружу и нерешительно замерла на пороге, словно колеблясь, стоит ли выходить на улицу в такой дождь. Я ждал. В конце концов, девушка достала зонт и направилась в мою сторону. Я едва успел переместиться к зданию через дорогу прежде, чем она могла бы меня заметить.

Остановилась. Огляделась. Неужто уловила что-то? Нет, тряхнула головой и пошла дальше. Я перевел дух и тёмной бесшумной тенью последовал за ней

хорошо знакомым маршрутом. С бульвара Пале повернуть на Рю де Люпес. Потом – направо и по Сите до поворота на Парви Нотр-Дам. А дальше – пара шагов и вот он, шестиэтажный дом из светлого кирпича с ажурными балкончиками на пересечении Рю д'Арколь и Рю дю Клуатр Нотр-Дам.

Я дождался, когда она войдёт в дом, и поднялся на крышу серого здания напротив. Отсюда было прекрасно видно все, что происходило в её маленькой квартирке. Свесив ноги, я ждал привычного ритуала. Переодевание, ужин, неизменная книга перед сном. Все так привычно и обыденно, что казалось, будто между мной и ею существует свой, отдельный мир, где всё идёт своим чередом, не сбиваясь с заложенного ритма, и где всегда уютно и тепло.

Конечно, это всего лишь глупая иллюзия. Но иногда мне нравилось думать о ней так. Хотя я и не имел на этого никакого права. У меня, сторожевого пса князя, в общем-то, вообще никаких прав не было. Но никто не мог запретить мне думать. Мои мысли – последнее, что принадлежало только мне одному, ибо даже тело моё являлось чужой собственностью. Но в мыслях... о, в них я мог делать то, чего никогда не случится со мной наяву. И это приносило мне пусть и эфемерное, но все же утешение.

Стоп. Достаточно. Прочь опасные размышления, притупляющие бдительность. Морхир не посвящал меня в подробности того, почему я не должен спускаться с девушки глаз, но я и сам понимал – у него наверняка были на это очень весомые причины, пусть мне и неизвестные. Да это было и не мое дело. Мое дело – защищать собой, как щитом, ту, которую мне поручили. Но отчего-то с каждым днём наблюдения за ней становилось все сложнее быть отстраненным зрителем. Бесчувственным монстром, созданным лишь для сокрушения врагов своего хозяина.

Не отрывая глаз от окон квартиры, я заметил, что сегодня что-то было не так. Не сменив одежду, она сразу прошла на кухню и села за стол. Говоря себе, что просто должен убедиться, что все в порядке, я переместился на её балкон. Вжался в стену, сливаясь с тенями там, куда не падал свет желтоглазого фонаря.

Она читала. На столе стояла почти нетронутая чашка с темной жидкостью. Глаза девушки быстро, с голодной жадностью бегали по строчкам книги, облачённой в солидный коричневый переплет.

Я знал её имя. Эстель. Звёздная. Но думая о ней, следя за ней, старался оставлять ее в своих мыслях обезличенной, словно мог таким образом удержать между нами необходимую дистанцию.

Внезапно девушка поднялась и, прихватив с собой книгу, вышла из кухни. Дом погрузился в темноту. Я проследил за ней взглядом и собирался было вернуться на крышу соседнего дома, думая, что она ложится спать. Но ошибся.

В неверном свете фонаря она продолжала читать. Потом вдруг взяла в руки краски и принялась водить пальцами по холсту. В полной темноте. Словно вот так, посредством одних лишь тактильных ощущений, могла прочувствовать все острее. Я стоял и не в силах был оторвать глаз от ее рук, порхающих по бумаге. Странно, но её лёгкие прикосновения я ощущал так, будто она касалась моей обнаженной кожи, а не бездушного полотна.

Когда девушка закончила и включила лампу, чтобы рассмотреть своё творение, я невольно подался ближе, влекомый желанием узнать, что сподвигло её взяться за краски в столь поздний час.

Увиденное заставило меня отпрянуть. На холсте было изображено существо, которое не принадлежало её миру, зато принадлежало моему. Зеркальная чернота глаз и взметнувшиеся за спиной крылья безошибочно указывали на представителя моей расы.

Я нахмурился. Ранее владевшая мной уверенность в том, что моя подопечная не знает ничего о том мире, из которого я пришел, поколебалась. А что, если она знает и то, что я наблюдаю за ней? Что, если этой картиной она даёт мне какой-то знак?

Кем же она была на самом деле – женщина, которую князь приказал мне охранять как свою нареченную?

Нужно быть осторожнее. Я не хотел раскрывать себя раньше, чем в пространстве между мирами откроется портал, который позволит мне унести девушку туда, где хотел её видеть мой хозяин.

Круг света от лампы потух. Я дождался, пока девушка уснет, и вернулся на свой пост. До рассвета оставалось несколько часов. Таких коротких на словах, но

таких длинных, когда остаёшься один на один с собой.

Обычно я покорно дожидался начала нового дня, сидя на крыше и не спуская немигающего взора с заветного окна. Предвкушая момент, когда увижу её снова. Так дремлет в ногах у хозяина старый верный пёс, чутко ждущий, когда его позовут за собой. Но сегодня что-то не давало мне покоя. Когда за башнями собора Нотр-Дам де Пари занялась робкая заря, я наконец понял, что именно.

Книга.

Чутье говорило мне, что именно там могут быть ответы на интересующие меня вопросы.

Тонкое лезвие клинка, лёгкий, аккуратный нажим – и створки старого окна распахнуты настежь. Осталось лишь бесшумно нырнуть внутрь и книга оказалась бы у меня.

Поток свежего, прохладного после дождя воздуха, стремительно ворвался в комнату и игриво взметнул лёгкие занавески. Девушка резко подскочила на постели и вдруг заговорила:

– Здесь кто-то есть?

Я оказался на крыше за секунду до того, как она высунулась из окна. Глядя на темноволосую голову с растрепавшимися после сна локонами, я задавался вопросом – кто же из нас в действительности играет с другим в кошки-мышки?

* * *

Посетителей почти не было. В век, когда бумажные издания вытеснялись с рынка электронными носителями, магазин и в самые лучшие его дни редко был полон покупателей. А когда на улице без устали шёл дождь, и вовсе шансы на сверхприбыльные продажи равнялись нулю.

Я слонялась без дела между аккуратно расставленными на полках книгами, придирчиво осматривая ровные ряды. Моя напарница Одри, не раз намекавшая на то, что кому-то из нас вполне можно было и не выходить на работу, после

напоминания о нескольких сменах, которые я отработала вместо неё, исчезла в подсобке и делала вид, что занята с документацией. А мне ничего не оставалось, как мысленно подгонять стрелки часов, чтобы скорее вернуться домой.

Случайно брошенный в окно взгляд, заставил меня остановиться, как вкопанной. На крыше дома на противоположной стороне улицы я разглядела фигуру мужчины в тёмном кожаном плаще, который стоял и смотрел прямо на витрины магазинчика. Я замерла, жадно вглядываясь в незнакомца, будто от того, чтобы рассмотреть его как можно более подробно, зависела моя жизнь. Секунды стали тягучими и липкими, даря мне ощущение, что я увязла во временной точке, где есть только я, незнакомец на крыше и разделяющая нас стена холодного дождя.

А потом случилась завораживающая и одновременно пугающая вещь: мужчина сделал шаг к краю, остановился, балансируя на самой кромке крыши, и прыгнул вниз. Я вскрикнула, выходя из оцепенения, и бросилась к окну, чтобы убедиться в том, что он разбился. Другого варианта развития событий просто не могло быть. Но возле дома, на крыше которого стоял незнакомец, было пусто. Редкие прохожие, спешащие по своим делам, выглядели спокойными, лишь торопились как можно скорее покинуть улицу, и причиной тому был проливной дождь, а не искалеченное тело, которое должно было лежать на асфальте.

Но не лежало.

– Одри, я выйду на десять минут! – крикнула я в сторону подсобки, срывая с вешалки пальто и хватая зонт. Мне было необходимо самой убедиться в том, что глаза меня не обманывают, и я готова была промокнуть или промочить обувь, но выяснить, что смогу, об этом мужчине.

Раскрыв зонт, в который тут же застучали капли дождя, я перешла на другую сторону улицы, внимательно, насколько позволял ливень, осмотрела то место, куда, по моим расчётам, должен был приземлиться незнакомец, но ничего не обнаружила. Ни следов крови, ни самого парня. Пройдясь вдоль дома, сосредоточенно вглядываясь в асфальт, будто трещины на нём могли пролить свет на происходящее, я дошла до проулка и остановилась. Темнота между плотно стоящими друг к другу домами была особенно густой и какой-то гулкой. Я прикусила нижнюю губу, размышляя о том, стоит ли шагнуть в проулок. Если с парнем, упавшим с крыши, что-то случилось, и он оказался здесь, ему может понадобиться помощь.

Простояв так несколько минут, я уже почти развернулась, чтобы возвратиться в магазин, когда в дальнем конце проулка мелькнула тень, будто взметнулись полы чьего-то плаща. По моему позвоночнику прошла волна ледяного озноба, а на улице стало на несколько градусов холоднее. Поёжившись от ощущения мороза, забравшегося под одежду, я постояла так ещё немного и вдруг почувствовала, что моё сознание будто обволакивает туманом. Все мысли исчезли, в висках пульсом билось только одно желание – сделать шаг вперёд. Будто кто-то звал меня, и противиться этому зову я не могла.

Оторвав ногу от земли, я переступила невидимую черту, и рядом тут же возникла фигура мужчины, одетого во всё чёрное. Сильные пальцы жёстко, причиняя боль, вцепились в моё предплечье, потащили куда-то, понуждая меня почти бежать следом. Охваченная страхом и паникой, подступающей к горлу, я покорно следовала за мужчиной, не понимая, что ему от меня нужно.

Ещё один тёмный всполох, будто сотканный из черноты, промчался совсем рядом, и хватка на моей руке ослабела. Меня с силой отшвырнули в сторону, и я устояла на ногах только благодаря тому, что угодила в стену одного из домов. С ужасом, я смотрела на то, как двое мужчин, двигаясь быстро и выверено, кружат друг напротив друга. Послышался звон ударившихся друг о друга клинков, в лужу упала искра, тут же с шипением погаснув. Первая кровь брызнула на мокрый асфальт, смешиваясь с водой и потёками устремляясь к ливневому стоку. Мужчины превратились в две тени – молниеносные и жуткие. Не произнося ни звука, наносили друг другу удары клинками, пытались уклониться, и дрались не на жизнь, а на смерть.

Я же стояла в оцепенении, не в силах сдвинуться с места и понимая, как это, должно быть, глупо. Испытывать смесь ужаса и восторга, и жадно всматриваться в два силуэта,двигающиеся почти бесшумно, в надежде рассмотреть лицо того, кого я, кажется, уже могла узнать из многих.

Наконец он остался один. Стоял спиной ко мне, не поворачиваясь. В ладонях зажаты клинки, с которых на асфальт падает каплями кровь, смешанная с дождём. От него исходила опасность, и эту опасность я чувствовала кожей. Самым верным решением было сбежать, но я почему-то продолжала ждать. Например, того, что он обернётся. Или что уйдёт, оставив меня одну. Но проходило время, а он так и не двигался, и потоки ливня, падающие сверху, смывали с него кровь, которая стекала прямо к моим ногам.

Я шагнула к нему и замерла. Сделала ещё шаг и снова остановилась. Охваченная самыми разными эмоциями и желаниями, я застыла в шаге от незнакомца. У меня была тысяча шансов на то, чтобы сбежать. Но я знала, что этот мужчина не опасен. Что он не бросится за мной следом, чтобы убить. Скорее снова станет тем, кого я буду замечать во всполохах теней, мелькающих рядом, но не прикасающихся ко мне.

Всматриваясь в зеркальную черноту его глаз, испытывая смесь восторга и страха, я могла лишь делать жадные вдох за вдохом, вторящие надсадному дыханию мужчины. С его тёмных волос стекала вода, попадая за воротник чёрной куртки. Губы были плотно сжаты, а на щеке алел порез. Протянув руку, я прикоснулась к нему, намеренно причиняя незнакомцу боль, чтобы понять, что он реален, а не соткан из моих иллюзий, в которых я пребывала с тех пор, как мне в руки попала книга.

– Пойдём. Тебе нужна помощь, – шепнула дрожащим голосом, понимая, как смешно звучит эта фраза. Я была крошечной по сравнению с ним, и если кому из нас двоих и нужна была помощь, то явно не ему. Но мне так нужно было, чтобы он пошёл следом. Чтобы оказался в моей квартире, остался рядом вопреки всем доводам здравого смысла. И когда я развернулась и поняла, что он последовал за мной, испытала облегчение, смешанное с ликованием.

* * *

Продолжавший свою слезливую песнь дождь разогнал людей с улиц, заставляя их прятаться под крышами домов, музеев и ресторанов, а тех, кто все же дерзнул выйти на улицу – под ненадежным прикрытием зонтов.

Я нес свою привычную службу у шпиля Сент-Шапель и наблюдал, как изредка зажигаются, будто цветные фонарики, то тут, то там, яркие купола зонтов, резко контрастирующие с серой унылостью непогожего дня.

Едва уловимое сквозь шум дождя неожиданное потрескивание в атмосфере заставило меня насторожиться. Воздух сделался густым и наэлектризованным. Незаметное для обычных людей явление для меня было верным признаком того, что где-то рядом присутствует магия. Я окинул взглядом близлежащие улицы и заметил странное движение в соседнем переулке. Взметнулась темная ткань плаща, приоткрывая одежду, слишком необычную, чтобы носящий её мог быть

простым обитателем Земли.

В то, что чужеродный этому миру незнакомец случайно оказался недалеко от места, где находилась моя подопечная, я не поверил ни на миг. Поспешно переместившись к краю крыши, я прыгнул вниз. Огляделся, желая убедиться, что меня никто не видел, и неуловимой тенью проскользнул мимо переулка, где затаился незваный гость. Оказавшись на крыше прямо над ним, я готовился напасть сзади, но внезапное появление Эстель, неосторожно шедшей напрямик в объятия опасности, заставило меня замешкаться. Всего на одну секунду, но этого хватило для того, чтобы незнакомец схватил девушку и потащил за собой в темноту. И тут я понял, что черная дыра, казавшаяся всего лишь затененной стеной, на самом деле – портал. Портал, которого я так долго ждал и которым не мог теперь воспользоваться. Хотя у меня был шанс попытаться проскочить в него следом за незнакомцем и Эстель, но это было слишком рискованно. Если портал закроется прямо передо мной, я застряну на Земле и безнадежно потеряю след девушки. Значит, оставался только один вариант. Самый простой и самый естественный для меня.

Я прыгнул на землю, преграждая путь к portalу, и с силой оттолкнул Эстель к стене. Мой противник молниеносно выпростал из ножен оружие и кинулся на меня. Едва наши клинки скрестились, как я понял, что оппонент не уступает мне в скорости и ловкости, но значительно уступает в силе.

Сначала мы присматривались друг к другу. Выпады были редкими и резкими, рассчитанными на то, чтобы застать другого врасплох. Я хладнокровно оборонялся, зная, что у противника недостаточно мастерства для того, чтобы причинить мне серьезный вред.

Медленно потоптавшись в этом смертоносном танце мечей и искр пару кругов, мой соперник потерял терпение. Он бросился на меня с отчаянием обречённого, который знал, что если не убьет меня – то неминуемо умрет сам, если и не от моей руки сейчас, то позже – от руки того, кто его послал.

Мою щеку обожгла резкая боль, мгновенно обострившая инстинкт убийцы до предела. Глаза заволокла беспросветная чернота, ногти на руках превратились в длинные металлические когти саблевидной формы. Я предупреждающе оскалился, прежде чем обрушиться на противника со сжигающей внутренности потребностью убивать.

Брызнула чужая кровь, попав мне на лицо. Я с удовольствием вобрал в себя её запах, подпитывая им свои силы, чувствуя, как теряю остатки разума, превращаясь в непоколебимого монстра для убийств.

Осознав, с кем имеет дело, незнакомец кинулся на меня в попытке нанести быстрый и сокрушительный удар. Лезвие клинка распороло мое плечо, но я почти не ощутил боли, потому что она потонула в единственном желании, владевшем мной сейчас – уничтожить. Здоровой рукой я схватил его за волосы и ударил об стену. Я мог бы пошинковать его мечом на мелкие кусочки, но мне хотелось иного. Отбросив оружие, я с жадностью вонзил когти в мягкую плоть, прошивая врага насквозь. Металлические конечности ударились о каменную стену. Я прочертил по ней борозду, вслушиваясь в скрипучие звуки, как в музыку. Насаженный на мои когти противник отчаянно дернулся и я ощутил, как кто-то пытается проникнуть в мое сознание. Наивный идиот! Мой разум сейчас был начисто заглушен жаждой крови, потерян в бушующих внутри инстинктах.

Зато теперь я знал, кто находится передо мной.

Второй рукой я схватил врага за горло, смыкая вокруг него саблевидные когти. С наслаждением сжал, вырывая из глотки несчастного жалобный хрип.

– Давай же, демон, сопротивляйся. Доставь мне удовольствие.

Он снова сделал слабую попытку вырваться. Я сжал его горло сильнее и провернул когти внутри тела. Судорожный хрип, секунда затишья. А потом все его существо затрясло, как в припадке, когда из него полезли души. По-прежнему держа его пригвождённым к стене, я наблюдал, как с истошным криком они вырывались на волю, кружа над головой поглотившего их демона облачками черного дыма. Когда последняя душа растворилась в воздухе, оставив после себя лишь мерзкий тошнотворный смрад, демон безжизненно обмяк. Тело его стало таять на глазах, становясь все тоньше, и, в конце концов, стекло черной струйкой к моим ногам.

Характерное потрескивание воздуха прекратилось в тот же миг. Посмотрев туда, где был портал, я убедился, что теперь на этом месте только самая обычная стена. Шанс вернуться был упущен.

Я отошёл и подобрал брошенное на землю оружие. Кровь стекала с лезвий и моих когтей, капала с плаща, пропитавшегося ею от раненного плеча. Вокруг меня образовалась лужица мутно-красного цвета.

Внезапно слух уловил робкие, осторожные шаги, и я вспомнил об Эстель. Неужели она все видела? Неужели оставалась здесь все это время? Неужели у нее не достало ума бежать?

Я принял человекоподобный вид, не желая пугать глупую девчонку. Только глаза, неподвластные изменению по одному лишь желанию, по-прежнему оставались подернутыми черной пеленой, выдавая все ещё владевшее мной возбуждение.

Подойдя, она смело взглянула мне в лицо. В открытом взоре карих глаз читался восторженный интерес, под которым таился испуг. Она боится меня? Или это последствие только что пережитого?

Она дышала так же тяжело и рвано, как и я, словно сражалась в этой схватке вместе со мной. Я ощущал каждый её вдох с такой остротой, как если бы дыхание Эстель касалось моего уха. По телу пробежала дрожь. Я сказал себе, что причина этого – холодный дождь, безжалостно проникавший под одежду, а вовсе не ее близость. Сжал губы, подавляя в себе эту слабость. И вдруг – её рука на моей щеке, пробежавшая по рваным краям раны, причиняя боль – не столько физическую, сколько неожиданную душевную.

Никто и никогда не касался меня так. Трепетно и в то же время повелительно.

– Пойдём. Тебе нужна помощь, – сказала она чуть слышно и повернулась в сторону бульвара Пале. Я молча повиновался, хотя и понимал, что приближаться к ней мне не следует. Но она приказала – и я пошел следом. По-другому я просто не мог. А может, и не хотел.

* * *

– Сними, пожалуйста, обувь и куртку. С тебя уже целая лужа натекла, – проговорила я, изо всех сил стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно, едва мы переступили порог дома. Пялиться на мужчину было не лучшей идеей, но я не

могла отвести от него взгляда. Он весь был словно соткан из того, что казалось в моей квартирке потусторонним. Притягательный облик, от которого невозможно оторвать глаз.

– Мне лучше уйти.

– Почему? – Вопрос сорвался с моих губ помимо воли. Если бы я слушала свой разум, я бы сама выставила незнакомца из квартиры, да ещё и в полицию позвонила, на всякий случай. Но именно сегодня здравый смысл взял выходной. – Я не кусаюсь.

– Зато кусаюсь я. – Он растянул губы в улыбке, давая понять, что это шутка, и теперь уже я беззастенчиво любовалась двумя рядами ровных белоснежных зубов.

Мужчина был очень хорош собой. Там, в переулке, слишком напуганная и сбита с толку, я не смогла подробно разглядеть его. Зато сейчас мне предоставилась такая возможность. Черты лица его были грубоватыми, будто высеченными из камня. Он словно состоял из чётких линий. Во всём. В том, как двигался или говорил. Как смотрел исподлобья, будто считал меня врагом. И от этого захватывало дух.

– Снимай куртку и обувь.

– Хорошо.

– И я не понимаю, как тебе в голову могла прийти мысль оставить меня после того, что произошло.

– Я был бы поблизости. Как обычно.

Итак, ответ на главный вопрос, который я смогла сформулировать только сейчас, у меня был. Незнакомец обычно был поблизости. Уже кое-что. Зачем он находился рядом, я пока не знала, но собиралась узнать.

– И ты ранен, – призвала я на помощь последний довод, сама не понимая, почему мне так нужно, чтобы он остался в моей квартире.

В ней редко бывали гости. А о том, чтобы пригласить к себе домой мужчину, я даже не задумывалась. Но сейчас, когда рядом был незнакомец, который смотрелся здесь слишком чужеродно, но в то же время – абсолютно закономерно, мне хотелось, чтобы эти мгновения продлились как можно дольше.

Он внимательно посмотрел на меня, как будто размышлял, сказала я величайшую глупость по незнанию или намеренно, после чего стёр кровь с лица, и я охнула. От глубокого пореза, пересекавшего правую щёку, почти не осталось следа.

– М-м-м, ясно, – протянула я, не зная, что ещё добавить. Мои подозрения о том, что незнакомец принадлежит какому-то другому миру, подтвердились, но это не только пугало меня, но ещё и завораживало. Он стоял в моей крошечной прихожей, заняв собою добрую её половину, держал в ладонях свои клинки и ждал. А у меня совершенно не было опыта в подобном, и я судорожно размышляла о том, что мне стоит делать дальше. Наконец, наскоро стащив пальто и сапоги, я прошла в кухню, где принялась ставить чайник на плиту трясущимися от холода и нервного возбуждения руками.

– Ты мне хоть имя своё скажешь? – крикнула я в сторону прихожей, но когда обернулась, поняла, что незнакомец бесшумно вошёл в кухню следом за мной. Если он будет так подкрадываться, я могу получить сердечный приступ раньше, чем узнаю, как его зовут.

– Киаран, – после паузы, которая показалась мне слишком долгой, наконец представился он, переводя взгляд с меня на обстановку кухни, будто хотел убедиться, что в шкафчиках не прячется новая опасность.

– А я – Эстель.

– Я знаю.

– Откуда?

– Просто знаю и всё.

– Хорошо. Ты давно за мной следишь?

– Давно.

Он ответил совершенно спокойным тоном, будто мы говорили о погоде, а не о том, что рядом со мной в последнее время находился какой-то чужак, о котором я даже не подозревала.

– Ясно. Почему делал это незаметно?

– А зачем попадаться тебе на глаза?

Я вздохнула и отвернулась, принимаясь готовить чай. С последними словами спорить было глупо. Наверное, он и вправду не имел причин заводить со мной более близкое знакомство, и если бы не случившееся в переулке – так и наблюдал бы издалека. И от этого я испытывала досаду.

– Наверное, нет смысла надеяться, что ты расскажешь мне всё, – отставив чайник, я повернулась к Киарану и внимательно всмотрелась в его лицо, будто хотела не разглядеть его образ, а впитать.

Он не ответил, лишь отрицательно помотал головой.

– Хорошо. Расспрашивать не стану.

Я взглянула за окно, и тут же охнула, вспомнив, что вышла из магазинчика на десять минут, которые уже превратились минимум в час.

– Извини, я отойду позвонить.

– Что?

– Мне нужно сообщить напарнице, что сегодня я не вернусь.

– Хорошо.

– Ты всегда такой неразговорчивый?

– Всегда.

Покачивая головой, я кивнула на стул и предложила:

– Присаживайся. Я скоро вернусь.

Выслушав нотации Одри и мысленно отмахнувшись от её претензий, я положила трубку и посмотрела на себя в зеркало, словно рассчитывала найти у своего отражения ответы на мучившие меня вопросы. Итак, я привела домой совершенно незнакомого мужчину, который, скорее всего, оказался на Земле, прибыв из другого мира. Абсурдные мысли и не менее абсурдная уверенность в том, что ещё неделю назад я считала нереальным, теперь казались абсолютно закономерными. Что изменилось сейчас? И почему мне так хочется быть сопричастной тому, другому миру, который так ярко представал перед моими глазами, когда я открывала страницы той книги?

Я сменила джемпер на домашнюю майку и вернулась в кухню, большая часть которой, казалось, была занята Киараном. Его клинки лежали на столе, и именно это обстоятельство заставило меня выдохнуть с облегчением. Значит, пока он собирался остаться.

– Я налью тебе чаю. Или ты голоден?

– Немного.

– Хорошо. Сейчас что-нибудь придумаю.

Доставая из холодильника продукты, я снова поняла, насколько сильно нервничаю – руки дрожали так, что я едва не выронила пакет молока. В моей голове вертелись тысячи вопросов, но задавать их я не собиралась. Киаран дал чётко понять, что не расскажет ничего. Но пока он был рядом, и это означало, что рано или поздно я получу ответы если не на всё, то хотя бы на самое насущное.

Готовила еду я в полном молчании, и если бы не взгляд, который чувствовала кожей, начала бы сомневаться, в том, что Киаран мне не привиделся.

Поставив тарелку с наскоро приготовленной яичницей, я уселась напротив Киарана и не скрываясь стала смотреть на него. На то, как он жадно и быстро ел, бросая на меня мимолётные взгляды, на то, как брал длинными сильными пальцами хлеб. Во всём его облике сквозило что-то потустороннее, а на лице проступали звериные, первобытные черты. Миллион мыслей кружились в моей голове, сбивая с толку, но я не могла ими ни с кем поделиться. Просто ждала, скажет ли мне Киаран хоть слово, когда закончит свой нехитрый обед. И боялась, что он продолжит молчать.

Он взял чашку чая, которая едва не потонула в его широкой ладони, отпил глоток, и я с облегчением выдохнула, услышав вопрос, произнесённый тихо, будто он боялся меня спугнуть:

– Могу я спросить кое-что?

* * *

Внутри её квартира оказалась ещё меньше, чем мне это представлялось, когда я наблюдал за ней с крыши. В воздухе витал слабый цветочный аромат, смешивавшийся с терпким запахом кофе и чего-то еще, смутно знакомого, но неуловимого для меня. В каждой детали, каждом маленьком штрихе обстановки была видна рука хозяйки дома.

Стоя в крохотной прихожей, я чувствовал себя здесь совершенно чужеродным элементом. Моя голова почти упиралась в низкий потолок. Холодный металл клинков, которые я сжимал в руках, неприятно контрастировал с тёплым цветом стен. Грязная обувь оставила уродливый отпечаток на разноцветном маленьком коврике, стоило мне только ступить на порог. Наверно, я выглядел сейчас как великан, забравшийся в пряничный домик себе не по размеру. Словно в такт моим мыслям, Эстель сказала:

– Сними, пожалуйста, обувь и куртку. С тебя уже целая лужа натекла.

От этих слов я почувствовал себя еще более неловко. Мне здесь было не место. Я покачал головой:

– Мне лучше уйти.

– Почему? Я не кусаюсь.

Предположение, что эта кроха могла бы накинуться на меня с целью покусать, позабавило. А ещё неожиданно взбудоражило фантазию. Я невольно представил, как её зубки игриво покусывают мою кожу, а пришедший им на смену язык медленно поглаживает место укуса, и мгновенно напрягся. С тех пор, как я стал следить за этой девушкой, мои мысли слишком часто принимали опасный оборот.

– Зато кусаюсь я.

Я хотел, чтобы это прозвучало предупреждающе, но вдруг обнаружил, что улыбаюсь. И это было так странно, что само по себе являлось весомой причиной для того, чтобы уйти отсюда немедленно. Я взглянул на нее исподлобья, собираясь попрощаться, но она меня опередила, повторив просьбу снять куртку и обувь.

И в итоге я сделал то, что умел лучше всего – если не считать, конечно, искусства боя – подчинился.

Но ей, кажется, было этого недостаточно. В голосе прозвучал упрек, когда она спросила, как я могу оставить её после того, что случилось, и тревога, когда она сказала, что я ранен.

Я внимательно следил за её реакцией, когда стирал с лица порез. Моё тело, как и у любого представителя моей расы, обладало способностью к быстрой регенерации. Это качество, в числе прочих, было одной из причин, по которой именно айраниты являлись лучшими воинами в Шезгарте. Элитные убийцы, элитные стражи... элитный товар. Именно товар, произведенный на свет только для того, чтобы служить тому, кто может себе это позволить.

– М-м-м, ясно, – сказала наконец Эстель.

Я поймал себя на том, что очень хочу знать, что же именно ей ясно. Но мне было не положено задавать лишние вопросы – впрочем, как и отвечать на них.

На всё, что спрашивала Эстель, я отвечал кратко, словно воздвигал этим невидимую стену между нами, в наличии которой нуждался в первую очередь сам.

Когда Эстель спросила, не голоден ли я, неохотно признался:

– Немного.

На самом деле, последний раз я ел ещё вчера. Обычно в середине дня выделял пару минут на то, чтобы быстро купить еды в бистро неподалеку от магазина Эстель, после чего возвращался на свой наблюдательный пункт, где наскоро поглощал добытую пищу. Отлучаться надолго я позволить себе не мог.

Сегодняшнее происшествие сбило мое привычное расписание, и желудок не преминул напомнить об этом неприятным посасыванием при одном только упоминании еды. Впрочем, айраниты, были с детства приучены стойко переносить любые неудобства, в том числе и такие мелкие, как голод или дождь. Ничто не должно было мешать нашему главному предназначению – исполнению своего долга.

Но сейчас, имея возможность совместить обед и службу, было бы глупо от этого отказываться.

Я смотрел, как девушка трясущимися руками достает продукты, как дрожит в ее руках ложка. В доме было прохладно, но только ли это было причиной ее лихорадочной дрожи?

Ты боишься меня, Эстель? Правильно, девочка, бойся. Так будет лучше и для тебя, и для меня.

Я жадно накинулся на содержимое поставленной передо мной тарелки. Желудок благодарно принимал горячую пищу, от которой уже почти отвык. Периодически я кидал на хозяйку дома короткие взгляды, решая, стоит ли, в свою очередь, задать ей несколько интересующих меня вопросов.

Когда тарелка опустела, Эстель подала мне чай. Фарфоровая чашечка в моей руке казалась игрушечной. Я озадаченно повертел ее, не зная, с какой стороны

лучше подступиться. Наконец сомкнув пальцы на тонкой ручке, отпил горячий ароматный напиток. Приятное чувство разлилось внутри, расслабляя скованное тело. Наконец я решился.

– Могу я спросить кое-что?

Она взглянула на меня несколько настороженно.

– Да, конечно.

– Я видел... как ты рисовала этой ночью. И видел, что – вернее кого – ты изобразила...

– А что ещё ты видел? – перебила она, и в голосе послышалось напряжение.

– Я не видел тебя голой, если ты об этом.

Это была чистая правда. Я всегда отводил взгляд, когда она переодевалась. Мне было совершенно ни к чему подобное испытание искушением.

Кажется, она выдохнула с облегчением. Я замолчал, не уверенный, стоит ли спрашивать дальше.

– И ты хотел знать... откуда мне известно о существовании... – она замаялась, потом договорила: – ...таких, как ты?

Догадливая девочка.

– Да.

Она встала, вышла из кухни и вскоре вернулась. В руках у нее была книга. Та самая.

– Вот, – она положила тяжеловесный том передо мной.

«Сумеречный мир Шезгарт» – прочёл я вытисненную золотом на бархатистой поверхности обложки надпись и нахмурился.

– Откуда она у тебя?

– Нашла у себя в магазине.

Странно. Очень. Но причин не верить ей у меня не было.

– Ты прочла её?

– Не всю. Ты хочешь забрать книгу?

– Нет.

В этом не было никакого смысла. Скоро она и так узнает всё сама. Для неё же лучше, если она будет немного готова к тому, что увидит.

Но всё же... как книга попала в магазин? Её подкинул туда кто-то из служащих князю? Или кто-то из демонов? И зачем вообще демонам понадобилась Эстель?

Целый рой вопросов кружил у меня в голове, заставляя хмуриться все сильнее. Я не должен был думать об этом, все это не моя забота. Но внутри зародилась странная тревога – чуждое и непривычное для меня чувство.

– Мне нужно идти. – Я встал и направился к выходу, спасаясь от странных ощущений, которые рождала во мне близость Эстель.

Эстель... сейчас, когда она была на расстоянии вытянутой руки, сложно было думать о ней как о безымянной девушке и бездушном, безликом объекте охраны. Нет, она была яркой, как первая звезда на небе. И такой же манящей.

– Куда? А что, если... – Её голос дрогнул. – На меня снова нападут?

– Я уже сказал – я буду рядом. Вон там. – Я показал рукой на здание напротив её окна.

– А что, если ты не успеешь?

– Успею. Я перемещаюсь очень быстро.

Я решительно отметал все её возражения, пока внезапно не оказался повержен одним-единственным словом, произнесенным тихим голосом:

– Останься.

* * *

– Останься...

Короткое слово – одним выдохом. Я произнесла его раньше, чем поняла, чего прошу на самом деле. Не того, чтобы Киаран сегодня остался рядом, а чтобы он не исчезал ни завтра, ни когда бы то ни было. Он – словно попытка снова стать живой, незримая связь с тем местом, в которое я так быстро безоговорочно поверила. Казалось, стоит Киарану выйти из моей квартиры, и всё случившееся окажется лишь мимолётным сновидением, яркой вспышкой, которая оставит после себя лишь воспоминания.

Он остановился, и по его напряжённой позе, по тому, как сжались в кулаки руки, я поняла, что он сомневается уходить или исполнить мою просьбу. Киаран не оборачивался, а я жадно смотрела на него, но больше не произносила ни слова. Если он не почувствовал, насколько я нуждаюсь в том, чтобы он находился рядом, больше я ничего не могу сделать.

– Хорошо. Но...

– Не надо никаких «но». Просто останься.

Он обернулся слишком поспешно, посмотрел на меня с прищуром в тёмных глазах. Что хотел сказать – оставалось только догадываться. О том, как я глупа? Возможно. О том, что в такой его близости нет нужды? С этим я готова был поспорить. Лишь бы только не уходил.

– Хорошо, – всё же решил он, и я с облегчением выдохнула.

Неважно, что будет после. Неважно, зачем он здесь. Сейчас Киаран был рядом, и мне хватало этого с лихвой.

– Хорошо, – ответила я эхом, и черты его лица смягчились.

Стирая с тёмной куртки Киарана следы багровой крови, я отстранённо наблюдала за тем, как вода в раковине окрашивается в алый. В воздухе витал металлический запах, смешанный с нотками аромата, от которого я испытывала ни с чем не сравнимое ощущение. Так пахнет горькая полынь, чудом выросшая на каменистом безжизненном склоне. Обласканная ветром, обожжённая безжалостным солнцем, она источает удивительный запах, который невозможно забыть. Как прикосновение к чужому, но знакомому миру, воспоминания о котором кто-то стёр из моей памяти, оставив взамен лишь краткие сны.

– Теперь почти чистая.

Вернувшись в комнату, я протянула куртку Киарану, который стоял возле окна в моей спальне, будто опасался, что с улицы может прийти новая опасность.

– Спасибо.

Он повертел куртку в руках, отложил её на диван, и я снова выдохнула. Да что со мной такое? Почему мне так не хочется, чтобы Киаран уходил? Ведь он же будет рядом, поблизости, как и обещал. Почему так нужно, чтобы Киаран остался в моей квартире?

– Я схожу в душ, а потом можно ложиться спать, – неуверенно проговорила я, глянув за окно, где по небесам разливался лавандовым цветом ранний вечер. Дождь неожиданно прекратился, и как будто не было тех беспросветных серых унылых дней.

До ночи оставалось несколько часов, спать не хотелось, но чем ещё заняться, я не знала.

Киаран кивнул и снова отвлёкся на свои наблюдения, а я быстро, будто каждая минута была на счету, отправилась в душ.

Стоя под горячими струями воды, смывающими усталость и напряжение, я думала о мужчине, который был в нескольких метрах от меня. Дверь в ванную казалась незначительной преградой. Если бы Киаран захотел, ему бы хватило доли секунды, чтобы войти.

Чёрт... И почему я думаю об этом? Почему думаю о мужчине, которого знаю от силы два часа? Да и знаю ли? Он порождал во мне в сотни раз больше вопросов, чем давал на них ответов. Способен был свести с ума своим молчанием, и самым верным было отправить его туда, куда он так стремился всё это время – подальше из моей квартиры. А вместо этого я думала, что было бы, если бы он решил зайти в ванную, когда я принимала душ.

– Надеюсь, ты хотя бы мысли не читаешь, – пробормотала я, спохватившись слишком поздно, и быстро смыла с себя пену, отчаянно ругая себя за фантазии, которым здесь было не место. И не время.

Киаран уснул сразу, едва устроился на небольшом диване у окна. Не сказал ни слова, не пожелал спокойной ночи, просто погрузился в сон, оставив меня наедине со всеми теми вопросами, на которые ответа пока не было.

Мы будем чего-то ждать, после чего окажемся в том мире, который так ярко раскрывался на страницах найденной книги? Что будет после? Где живёт Киаран в Шезгарте? У него большой замок, шпили башен которого пронзают тёмные небеса? Или, напротив, его жизнь аскетична?

И почему этот упрямец не хочет рассказать мне хоть что-то, будто меня это не касается вовсе?

Протянув руку, я взяла с прикроватного столика книгу и открыла её наугад. Раньше старалась читать внимательно и последовательно, но теперь боялась, что кто-то может отобрать её, а я так и не успею узнать главного.

«... более же остальных, помимо прочего, ценились особые артефакты. Разбросанные по мирам Священного Круга дланью самого щедрого из Богов, они были укрыты от глаз колдовством столь же тёмным, сколько и сильным. В Шезгарте, в жерле самого древнего из вулканов, куда не мог добраться никто, кроме драконов, давно превратившихся в легенду, покоился самый могущественный из артефактов «Слеза Верховной Жрицы». Способный склонять чашу весов в сторону того, чьей судьбой стал, он был так же опасен, коль и силен. Всегда стоит помнить незыблемую истину – бойтесь самых потаённых своих желаний...»

Артефакты, айраниты, миры Священного Круга – насколько интересно было узнавать обо всём этом, настолько больше вопросов рождалось от этого внутри. Захлопнув книгу, я улеглась на подушки, и, бросив быстрый взгляд на крепко спящего Киарана, отвернувшись, неожиданно начиная злиться. Если желает хранить молчание об этом и дальше – его право. Я обязательно разузнаю всё, что мне нужно.

Я резко села на постели, делая судорожный вдох и мгновенно просыпаясь. Не помнила, что мне снилось, но знала – это был кошмар. Сердце колотилось о рёбра, отдаваясь шумом в ушах. Мой взгляд метнулся к дивану, на котором спал Киаран, и я начала успокаиваться. Мужчина спал, лёжа на животе. Одну руку он положил под голову, вторая свисала с дивана и касалась клинков, лежащих на полу рядом с ним.

Откинув одеяло, я поднялась, и Киаран тут же подскочил следом, сжимая в ладони оружие.

– Спи... Мне просто кошмар приснился, – шепнула, желая успокоить то ли его, то ли себя.

– Нет. Достаточно.

Он растёр шею, взглянул за окно, где только занимался несмелый рассвет, после чего внимательно всмотрелся в моё лицо, словно искал там отголоски того, что я видела во сне.

– Тогда я пойду готовить завтрак, – решила я, поспешно отводя взгляд, и, накинув халат, буквально сбежала на кухню. Вид обнажённого торса с бугрящимися под смуглой кожей мышцами, вызывал у меня совсем не невинные фантазии, и погружаться в них с головой было нельзя.

Всё казалось таким странным. Я готовила кофе и тосты, решив сделать сразу тройную порцию, Киаран наблюдал за мной, сидя за столом, и подобное утро могло бы показаться весьма романтичным, если бы не одно «но». Айранит был чужаком, пришедшим из другого мира. Опасным, жестоким... способным превратиться в кровожадного монстра. И пусть сейчас мои инстинкты самосохранения дремали, это вовсе не означало, что Киаран всегда будет безопасен для меня.

– Чем мы займёмся сегодня? – спросила я как можно более безразлично, ставя перед ним тарелку с едой, за которую Киаран тут же принялся.

– Я не понимаю твоего вопроса.

– Что в нём непонятного? – Пожав плечами, я устроилась за столом, взяла тост, намазанный маслом, и отпила глоток кофе. – Я не хочу просидеть в четырёх стенах весь день, не зная, чего ожидать.

Он посмотрел на меня тяжёлым взглядом, от которого мне стало не по себе, но ничего не сказал. Только скопировал мой жест, точно так же равнодушно передёрнув плечами.

– Мы отправимся... на выставку, – решила я.

– На выставку? – Проглотив тосты за две минуты, Киаран отставил тарелку и взял чашку, на этот раз – самую большую из числа тех, которые были у меня в наличии.

– Да. У меня сегодня выходной, а неподалёку как раз проходит выставка дизайна интерьеров. Я хотела туда сходить... давно, – соврала, откладывая еду. Аппетита не было. С тех пор, как в моей квартире оказался Киаран, я не переставала пребывать в состоянии нервного напряжения.

– Хорошо. Давай сходим. Я буду следовать за тобой.

Я не удержалась и улыбнулась, настолько торжественно это прозвучало. Будто Киаран был моим верным рыцарем, который сопровождал свою госпожу, куда бы та ни пожелала отправиться.

– Я буду готова через полчаса. Брось, пожалуйста, чашки в посудомойку. – Поднявшись из-за стола я поймала озадаченный взгляд Киарана и поджала губы, чтобы не рассмеяться: – Забудь. Я сама. Жди, я скоро.

– А для чего это нужно? – глядя с неподдельным интересом на огромные серебристые круги на стене, в очередной раз спросил Киаран.

– Ни для чего. Считается, что это красиво.

Увидев, как на лице айранита снова отразились изумление и неверие, я спросила:

– А в твоём мире такого нет?

– Нет. В моём мире много красивых вещей. По-настоящему красивых. Дворцы украшают барельефы, позолота и белоснежные колонны. Или же, напротив, вычурные тёмные ажурные решётки. Вместо... этого, – он указал на странного вида люстру, больше похожую на бумажный шар, – стены венчают канделябры с десятками свечей. Мебель совсем не такая. – Он не удержался и слегка пнул стеклянный стул на пластиковых ножках, за что заработал недовольный взгляд женщины неподалёку. – Резные столбики на кроватях, подушки на диванах, обтянутые ярким шёлком и атласом.

Киаран замолчал, и я вздрогнула, выходя из оцепенения. То, как он рассказывал о своём мире, рисовало перед моим мысленным взором чарующие картины. Хотелось увидеть всё это воочию, прикоснуться к тому, что порождали мои фантазии.

– Ты ведь о Шезгарте? – всё же решилась спросить я, не видя в своём вопросе ничего того, из чего стоило бы делать тайну.

– Да.

– И мы отправимся туда?

Снова взгляд, которым меня наградил Киаран. И снова я теряюсь под ним, будто мышь, которой предстоит стать ужином для удава.

– Ты вообще хоть немного боишься? – отвечая вопросом на вопрос, поинтересовался Киаран, вызывая у меня мимолётную улыбку.

– Тебя?

– Хотя бы меня.

– Тебя – нет. Отправляться с тобой в Шезгарт – тоже нет.

Он не ответил, только внимательно вглядывался в мои глаза, вероятно, пытаясь прочесть по ним, лгу я или нет. Я понимала, что моё поведение может показаться неразумным, неадекватным, каким угодно, но только не тем, которого бы стоило ожидать, но ничего не могла с собой поделать.

– Понимаешь, мне кажется, я уже была в том месте, которое ты описал. В твоём мире.

– Это невозможно, Эстель. Если бы ты побывала там – тебе бы не казалось.

– Я знаю. И всё же. Либо я себе лгу, либо обрывки моих снов и воспоминаний что-то значат.

– Это всего лишь сны. Не воспоминания.

– Откуда ты знаешь?

– Я так думаю.

Киаран отвернулся, рассматривая очередной предмет интерьера, который теперь и мне казался верхом безвкусицы, и я поняла, что так он желает вновь закончить разговор. Что ж, кое-что мне всё же удалось узнать, значит, я была ещё на шаг ближе к тому, чтобы составить полную картину относительно происходящего.

– Я решила, что ты не откажешься от хорошей порции мяса, – сделав заказ официанту, сообщила я Киарану, который, устроился напротив меня и сосредоточенно осматрелся, словно каждую минуту из ниоткуда мог выскочить кто-нибудь, желающий причинить мне вред.

Затем просто кивнул и переключил внимание на яркое меню. Собеседником Киаран был не самым словоохотливым, но я уже начала к этому привыкать.

– А тот... человек из переулка, зачем он меня схватил?

– Я не знаю его целей.

– Но он ведь хотел того же, за чем появился рядом со мной и ты?

– Возможно.

– Он тоже айранит?

– Скажи это ещё громче, на тебя и так уже оборачиваются. – В глазах Киарана мелькнуло недовольство, от чего зрачки его стали тёмными, почти чёрными. – Нет. Он не айранит.

– А кто?

– Демон.

Я вскинула брови, удивлённо глядя на Киарана. О демонах я читала лишь вскользь, и они мало походили на тех духов, в которых верили на Земле. Бессмертные существа, поглощающие души, неутомимые любовники, чрезвычайно красивые и сильные. После того, что я увидела вчера, я не особо

верила, что в книге действительность не приукрашена, по крайней мере, в том, что касалось бессмертия описанных там существ.

– Что ему могло понадобиться от меня?

– Я же сказал – не знаю.

– Уверена, даже если бы ты знал, не сказал бы.

– Скорее всего.

– Почему? Неужели я не имею права знать о том, что касается напрямую меня?

– Имеешь. Это лишь вопрос времени. Ты обо всём узнаешь.

– Но не от тебя.

– Но не от меня.

Начиная раздражаться, я скомкала салфетку и отбросила её на столик. Аппетит, проснувшийся во время прогулки по павильонам выставки, вновь исчез. Дав себе слово больше не расспрашивать ни о чём у этого непробиваемого типа, я схватила меню и стала листать его, рассматривая разноцветные страницы невидящим взглядом. Последние слова Киарана почему-то родили внутри меня горечь обиды. Словно он давал мне понять, что встреча с ним – всего лишь эпизод, который совсем скоро станет воспоминанием. И это разочаровало меня, причиняя неприятные ощущения. И хотя меня гораздо больше должен был интересовать вопрос: «Собирается ли хоть кто-то спросить моё мнение, от кого бы я предпочла услышать правду о Шезгарте и о том, зачем я понадобилась в этом мире?», стоило признать, что это волновало меня в самую последнюю очередь.

* * *

– Надеюсь, этого хватит, чтобы заплатить за обед. – Я вывалил на стол кучку разноцветных бумажек и пригоршню монет.

Эстель кинула на меня странный взгляд. Пожалуй, даже немного испуганный.

– Ты что, ограбил банк?

От меня не укрылся тот факт, что Эстель стала молчаливой, после того, как я отказался ответить на очередные её вопросы. Ушла в себя, словно моллюск в раковину. Поэтому, когда девушка заговорила снова, я испытал облегчение. Хотя было бы гораздо лучше, если бы между нами осталась эта немая пропасть.

– Кого?

– Не кого, а что. Банк. Такое место, куда люди отдают на хранение свои деньги.

Я нахмурился. Несмотря на то, что я и раньше бывал на земле, в жизни ее обитателей для меня по-прежнему оставалось много неясного. Я пожал плечами, выказывая своё недоумение:

– Все же вы, люди, странные. Зачем куда-то отдавать свои деньги?

Она на мгновение замялась, потом сказала:

– Считается, что хранить их в банке гораздо надёжнее. Особенно если денег много. – Немного помолчав, словно вела сама с собой внутренний спор, она все же спросила:

– А как же в Шезгарте? Где вы храните свои деньги?

Я усмехнулся:

– Мы не занимаемся подобной ерундой. Шезгарт – это место, где лучше жить одним днем. Взять от жизни все удовольствия именно сегодня и сейчас, ибо завтра может и не настать.

– Почему?

Наивная маленькая девочка.

– Потому что тебя могут убить.

– Ты что, пытаешься меня запугать? – В глазах Эстель мелькнуло недовольство.

Я сделал невинный вид:

– Нет.

– И все же... ты, похоже, не хочешь, чтобы я оказалась в Шезгарте. Так?

Вопросов стало слишком много. Я и сам не заметил, как снова разговорился с ней. Это следовало прекратить. Я резко поднялся.

– Это не мое дело.

Лицо Эстель снова сделалось обиженным, словно у ребенка, которому не дали игрушку.

Ах, Эстель, но я не твоя игрушка. И ты – не моя. И исправить это мне не под силу.

Какая ирония... мы, айраниты, – самая физически сильная раса Шезгарта. Убить нас почти невозможно. В этом наше счастье и наша беда. Потому что существуют законы более могущественные, чем законы силы. И я вынужден им подчиняться.

Эстель встала вслед за мной, отсчитала несколько купюр из тех, что я кинул на стол, и сунула оставшиеся мне в руку. От прикосновения её маленьких нежных пальцев к моей грубой ладони я вздрогнул. Это было так неожиданно. И так приятно. Нет, приятно – не совсем то слово. Это было как прикосновение к чуду. Наверно, так чувствуют себя люди, когда к ним нисходит божество. Или когда держишь на руках младенца. Хрупкое, восхитительное чудо. Всего одно мгновение. А в душе словно что-то перевернулось.

Я тряхнул головой, прогоняя запретное наваждение. В полном молчании мы покинули кафе и вышли на улицу.

– Куда теперь? – спросил я как можно безразличнее. – Домой?

Домой... какое странное слово для того, у кого уже давно нет собственного дома. Нет ничего. Кроме жизни, мне не принадлежащей, и службы тому, кому эта жизнь отдана.

– Давай прогуляемся немного. Вечер сегодня очень хорош.

Да, вечер действительно был хорош. Солнечный день сменился вечерней прохладой. Со стороны Сены дул лёгкий ветерок, ласково игравший с локонами идущей впереди меня Эстель. Мы вышли к набережной и пошли вдоль реки.

Она молчала. Я тоже.

Заходящее солнце окрашивало дома и мосты в нежные мягкие тона, а воды Сены делало похожими на всполохи огня. Над рекой кружили говорливые чайки, куда-то медленно плыли кораблики, набитые людьми.

Мне нравился Париж. В нем было нечто пышно-торжественное, даже надменное, но все равно влекущее, заставляющее восхищаться им против воли. Наверно, он был похож на красивую женщину, знающую себе цену. Фасады его домов взирали на прохожих горделиво и несколько снисходительно с высоты своих лет. И даже Сена текла неторопливо, выказывая истинно королевское достоинство.

Конечно, не весь город был столь красив. Некоторые строения, вроде того здания, где мы были с Эстель на выставке странной мебели, вызывали у меня недоумение и неприятие. Ломаные формы, облицовка полностью из стекла... зачем? Зачем столько хрупкого, когда есть надёжный камень? Зачем столько попыток создать что-то новое, когда старое так восхитительно? А странная железная башня, на которой почему-то всегда толпится куча народа? Люди действительно очень загадочные существа.

– Не мог бы ты идти рядом со мной, а не сзади? – прервал мои размышления голос Эстель. – Я чувствую себя так, будто за мной крадётся маньяк.

Она свернула на мост с величественными пилонами, вершины которых венчали золотые фигуры, и остановилась посередине, уперевшись ладонями в парапет.

«Мост Александра III» – прочёл я надпись на бронзовой табличке с завитушками.

На смену мягкому свету почти скрывшегося за горизонтом солнца пришли мерцающие шапки фонарей, установленных вдоль всего моста по обе его стороны. Их оранжевые огни придавали всему, что нас окружало, таинственный, чарующий вид.

– Что, Эстель, всё-таки боишься? – спросил я, подходя к ней вплотную и поддаваясь искушению вдохнуть аромат волос, впитать тепло тела, которое я прижал к каменной ограде моста. Мои руки легли на парапет рядом с ее маленькими ладонями, не соприкасаясь с ними, но мучительно этого желая. До зуда на кончиках пальцев. Глаза снова заволокла чернота, которой я не мог управлять. Предательская зеркальная пелена всегда выдавала внутреннее состояние непокоя. А оставаться спокойным рядом с этой девушкой мне становилось все тяжелее.

Я стоял, нависая над Эстель, укрывая собой, словно коконом, ее миниатюрную фигуру. Облачко пара, сорвавшееся с ее губ, смешалось с моим горячим дыханием. Мне хотелось точно также слиться с Эстель, потеряться в ней, забыться хотя бы ненадолго. Но я не мог.

Отвернув лицо, я обежал взглядом мост. Золотистый ангел с одного из пилонов смотрел на меня сочувственно-насмешливо, будто понимал все гораздо лучше меня самого.

Я уже готов был отпрянуть, когда Эстель повернулась ко мне лицом, оказываясь в моих объятиях, и сказала:

– Не боюсь. Мне ничего не страшно... с тобой.

Встретив прямой, полный доверия взгляд, я с трудом подавил мучительный стон, рвущийся наружу из глубин растревоженной души.

Не смотри на меня так, Эстель, умоляю, не смотри. Я не герой, каким вижусь тебе сейчас. Я – всего лишь жалкая пешка, которую швыряет, как захочет, тот, кто имеет надо мной безграничную власть.

Сжав зубы, я сделал над собой усилие и отошёл. Великая пустота тому свидетель – никогда и ничто не давалось мне труднее.

– Почему? – раздался мне в спину вопрос.

– Почему – что?

– Почему ты... – Она запнулась и замолчала, потом вздохнула, словно молча смиряясь. – Пойдем домой.

Больше мы не разговаривали.

Оказавшись дома, Эстель сразу скрылась в ванной комнате, а я, чтобы хоть чем-то заняться, принялся чистить свои клинки. Кровь демона на них почернела и легко осыпалась с лезвий, словно пепел.

Покончив с этим, я решил осмотреть дом. Больше всего меня озадачивала кухня.

Это помещение было совсем не похоже на кухни в домах Шезгарта. Совсем крохотное по размеру, оно заменяло собой, судя по всему, ещё и столовую. Вместо печи здесь была высокая металлическая коробка, из которой вырывался огонь, если нажать на кнопку. Над раковиной нависал металлический шланг с ручкой. Поддавшись любопытству, я поднял её вверх. Потекла вода. Я хмыкнул, представив, как нелепо выгляжу, с таким интересом разглядывая то, что для жителей Земли было совершенно естественным. Будто пещерный человек...

Со стороны ванной раздался крик. Схватив клинки я, недолго думая, ворвался внутрь, уверенный в том, что увижу ещё одного демона, напавшего на Эстель. Но никакого демона там не было. Эстель была одна и... абсолютно голая. Она испуганно уставилась на меня огромными глазами, сотрясаясь от мелкой дрожи. Быстро прикрыла руками грудь, и я понял, что несколько мгновений жадно осматривал ее тело, по которому стекали струйки воды. Боги, как мальчишка, никогда не видевший женщины!

Я поспешно отвернулся и сказал:

– Извини. Я думал, что-то случилось.

– Вода вдруг пошла ледяная, – ответила она, стуча зубами.

– Ясно.

– Может быть, выйдешь?

Тьма всемогущая! Встал тут, как последний идиот.

– Да. Да, конечно.

Я вышел, закрыл за собой дверь и выдохнул. Мне вдруг стало не по себе. Если портал не появится в ближайшее время, я рискую беспомощно сорваться в бездну, имя которой – Эстель.

– Одри, это... это мой дальний родственник. Киаран. Он приехал в гости, посмотреть Париж.

Я склонил голову в знак приветствия. Невысокая блондинка, которую Эстель назвала Одри, кинула на меня кокетливый взгляд и улыбнулась.

– Какое необычное имя! Вы иностранец?

Иностранец? Не то слово.

– Да, он... м-м-м... из Бельгии! – вмешалась Эстель раньше, чем я успел открыть рот.

– Я никогда не была в Бельгии, – сказала блондинка и снова посмотрела на меня призывно. Даже шезгартские бесовки могли бы позавидовать искусству так стрелять глазами.

«Я тоже» – подумал я, но ничего не сказал, только растянул губы в улыбке – приветливой, как мне хотелось думать.

– Он что, не говорит по-французски? – разочарованно протянула Одри.

– Он из Фландрии, – нашлась с ответом Эстель. – Все понимает, но говорит на французском не очень хорошо.

Я кивнул. Бес его знает, где она, эта Фландрия, причем тут Бельгия и как это все вообще связано, но Эстель врала так вдохновенно, что я сам едва не поверил, что я именно оттуда и никак иначе.

– Можешь взять что-нибудь почитать, – кивнула Эстель на ряды книжных полок, и я покорно последовал к ним.

Я бесцельно бродил вдоль стеллажей, блуждая взглядом по корешкам книг, пока мне на глаза не попался толстый том в зелёном тканевом переплете. «Собор парижской Богоматери».

Тот самый, что был напротив дома Эстель?

Я вытащил книгу, раскрыл ее, начал читать... и пропал. Не знаю, сколько времени прошло, но очнулся я только когда до меня донёлся встревоженный голос Эстель:

– Киаран?

– М-м-м? – промычал я вопросительно, не отрываясь от книги.

Эстель появилась рядом со мной, и я услышал вздох облегчения, вырвавшийся у нее из груди. Неужели она думала, что я исчез?

– Что ты тут делаешь? – Она посмотрела на книгу в моих руках, подошла ближе и заглянула в нее. – Гюго? Хороший выбор.

– Если бы ты была на месте Эсмеральды, кого из трёх мужчин выбрала бы? – спросил я неожиданно сам для себя.

Она задумалась.

– Наверное, Квазимодо.

– Почему?

– Потому что он единственный был готов отдать за нее жизнь. – Наши взгляды встретились, и я вдруг понял все, о чем она умолчала. Думать о том, что она верит мне, верит в меня, было больно. И еще больнее – представлять, как отнесется Эстель к тому, что ей уготовано в дальнейшем. Независимо от того, рада она будет или нет стать избранницей князя, мне легче не станет. Я совершил ошибку, согласившись приблизиться к ней, делить с ней её дом и пищу, делить на двоих каждый день и час. Я впустил ее слишком глубоко внутрь себя, и она, словно неприхотливое растение, пустила корни там, где раньше была только выжженная земля. И как теперь вырвать ее из своей души – я не знал.

Мне не следовало всего этого допускать, но я не смог противиться простому желанию чувствовать себя живым. Рядом с Эстель возрождались все давно забытые чувства, она была той, кто снова научил меня смеяться. Но за смех всегда приходится платить слезами. Таков закон жизни. И я чувствовал – мое время платить по счетам неминуемо приближается.

– А мне ближе Фролло, – сказал я, нарушая воцарившееся между нами молчание.

– Почему? – спросила в свою очередь она.

– Потому что он любил Эсмеральду не меньше, но оказался заложником собственных нерушимых клятв.

«Как и я».

– Его любовь обречена изначально, потому что он отдал себя Богу. И мучается, не в силах отказаться ни от него, ни от женщины, которую любит до одержимости.

Пойми меня, Эстель. Пойми, что я хочу тебе сказать.

Тихие, удаляющиеся шаги отозвались эхом в моей внезапно опустевшей голове. И только в груди что-то отчаянно, надрывно билось, желая выскочить наружу. Я вдруг понял, что это мое собственное сердце.

* * *

Плеснув в лицо пригоршню ледяной воды, я оперлась о раковину обеими руками и взглянула в зеркало. Я была взволнована, так сильно, что по телу моему проходили волны дрожи. За несколько дней испытала столько всего, сколько не ощущала за последние три года. Будто тщательно сдерживаемые чувства прорвали плотину, и теперь погрузили меня в тот омут, утопая в котором, я не могла вынырнуть на поверхность, чтобы сделать хоть глоток спасительного кислорода. Или не хотела его делать?

Свой порыв, когда я прижалась к Киарану, я не могла объяснить даже себе. Почему я так доверяла ему? Почему впервые за долгое время я чувствовала себя настолько в безопасности, когда он был рядом? И почему призналась ему в этом?

Вздыхнув, я промокнула полотенцем лицо и попыталась успокоить отчаянно колотившееся сердце. Преддверие чего-то неминуемого и пугающего витало в воздухе, словно надвигающаяся гроза. Ты можешь увидеть зарницы на небе от молний, сначала далеко, потом всё ближе, но понимаешь, что не в силах ничего сделать с наползающей из-за горизонта стихией.

Разговор об Эсмеральде тоже не шёл у меня из головы. Может быть, все те полутона и намёки, лишь почудились мне? Почему же тогда в голосе Киарана так отчётливо слышалось желание, чтобы я поняла то, что он хочет мне сказать? И о какой клятве шла речь?

Приложив руку ко лбу, я едва не застонала, но сдержалась, вспомнив, что в ванной мне лучше никаких звуков не издавать, во избежание Киарана, который тут же показывался на пороге. Сколько вопросов! Они уже, казалось, превратились в сплошное пятно, и вычленив из него тот единственный, который был главным, я не могла. Потому тревога лишь усиливалась, а жажда вытребовать у несносного айранита хоть крупицы разъяснений, множилась в геометрической прогрессии.

Я вышла из ванной, которая уже стала своего рода укрытием, где я пряталась каждый раз, когда понимала, что не могу оставаться и дольше наедине с Киараном, и отправилась на кухню. Поставила чайник, вытащила из холодильника овощи... Всё снова так, будто я готовлю что-то для семейного ужина. Идеальный самообман.

Неожиданно разозлившись, я принялась резать овощи, и остановилась только когда нож полоснул по пальцу, из которого тут же брызнула кровь.

– Чёрт! – выругалась сквозь крепко стиснутые зубы, набрасываясь на несчастный баклажан с утроенной силой, будто хотела выместить на нём всю свою невесть откуда взявшуюся злость.

– Отдай мне нож, – мягко попросил Киаран, оказываясь рядом. Появился словно из ниоткуда, бесшумно и молниеносно. Сверх-существо, с которым мне никогда не сравниться.

– Нет. Я готовлю.

– Эстель... отдай мне нож.

Его пальцы с нажимом, но осторожно обхватили моё запястье, и я рассердилась ещё сильнее. Дёрнула рукой, но Киаран держал крепко, понуждая меня перехватить нож другой ладонью. Я чувствовала себя так, словно всё напряжение последних часов, скопившееся во мне, вот-вот должно было вырваться наружу.

Так и продолжая с силой сжимать одно моё запястье, Киаран попытался обхватить второе, но я неуловимо опустила руку, и пальцы айранита сомкнулись на лезвии ножа. Я знала, что он порезался. Видела, как Киаран с силой сжал челюсти, но руки не отнял. По моим пальцам потекла кровь из порезов на его ладони, и только тогда я всхлипнула. Как-то жалобно и моляще, чего совсем не собиралась делать.

– Прости меня... – выдохнула я, и тут случилось то, чего я так страшилась, но одновременно желала. Киаран отпустил меня и отбросил нож, но лишь для того,

чтобы обхватить окровавленной ладонью моё лицо и жадно впиться в мои губы жёстким поцелуем. Я так растерялась, что попыталась сделать глубокий вдох, чем айранит и воспользовался, ворвавшись в мой рот языком. Поцелуй нельзя было назвать нежным. Смешанный с металлическим привкусом и ароматом крови, он был соткан из диких животных потребностей. Моих или Киарана – было неважно. Голод был таким неизбывным, что утолить его было невозможно, а отрывистые ласки лишь распаляли безумный пожар, в котором я горела с той секунды, когда впервые увидела своего айранита. Распахнув глаза, я встретила со взглядом Киарана. Чернота вновь затянула пеленой его зрачки, расплзлась по радужке, пугая и завораживая. Разорвав сумасшедший поцелуй, я сделала жадный глубокий вдох, но лишь для того, чтобы вновь прижаться губами к губам айранита.

Мои пальцы сминали ткань его одежды, срывая, желая добраться до горячей кожи, чтобы познать, какая она наощупь. Киаран же смахнул всё со стола, и обхватив меня за талию, поднял и усадил на него. Звон разбитого стекла совпал с моим приглушённым стоном. Возбуждение было таким острым, а потребность утолить его – таким всеобъемлющим, – что каждая секунда промедления сводила с ума.

Как давно у меня не было мужчины. И как я нуждалась всё это время в таких жадных и грубых прикосновениях. Быстрых, дарующих мимолётное освобождение и поджигающее кровь ещё сильнее. Как я нуждалась в Киаране всё это время! Не зная ни его имени, ни того, существует ли он где-то, помимо моего воображения. Как он был мне необходим все те дождливые дни без него...

Его пальцы неумолимо скользнули по внутренней стороне бёдер, понуждая меня шире раздвинуть ноги, и я схватилась за плечи айранита, будто могла упасть. Снова стон, сорвавшийся с губ, и невесомая ласка, с которой Киаран слизал его, будто хотел попробовать на вкус.

Не было ни одного слова. Они были ни к чему – я не хотела терять время на то, что вдруг стало неважным.

Чуть сдвинувшись к краю, желая быть к Киарану ещё ближе, я охнула, когда он вошёл в меня сначала одним пальцем и сразу – вторым. Боль и наслаждение слились воедино, понуждая меня стонать снова и снова, когда айранит начал двигаться внутри, резко и отрывисто, будто нежности между нами не было места. Но в его заплывших зеркальной чернотой глазах, я прочла немой вопрос.

Кивнула коротко, и снова впиалась поцелуем в его губы. Он был больше похож на череду укусов, словно мы оба хотели оставить следы принадлежности друг другу. Хотя бы на эти короткие несколько минут яростной вспышки, обжигающей меня изнутри.

И чем быстрее отметины на коже Киарана исчезали, тем больше была моя потребность выжечь на ней клеймом знак, что желать и ласкать этого мужчину могу только я.

Наконец я отстранилась и застонала, впиваясь пальцами в плечи айранита. Наслаждение было таким острым, что от него по всему телу прошла крупная дрожь. Пальцы Киарана ещё ласкали меня изнутри, теперь двигаясь неспешно и намеренно медленно, продлевая мой оргазм. Я дышала надсадно, будто мне не хватало воздуха, и испытывала такое опустошение, словно из меня выкачали все силы.

Айранит мягко вышел из меня, тут же подхватывая на руки и прижимая к себе, и куда-то понёс. Мне было всё равно – хоть в Шезгарт, хоть в Преисподнюю, лишь бы с ним. На его лице скользнула тень то ли сожаления, то ли горечи, которую он испытывал, но я не могла понять, не показалось ли мне.

Едва он уложил меня на постель, я начала проваливаться в сон. Со мной такое было впервые. Я будто ослабла настолько, что последним, на что хватило сил – была попытка удержать Киарана рядом. Мои пальцы скользнули по его руке, я почувствовала лёгкое прикосновение губ айранита к своему лбу, но не знала, привиделось мне это или нет, потому что мгновением позже крепко заснула.

* * *

Раньше я любила дождь, несмотря на то, что порой он навевал на меня грусть и желание спрятаться. Часто он был отражением того, что творилось в моей душе. Мерный стук за окном, когда я сидела, закутавшись в плед и читала книгу, забыв про остывший чай, успокаивал, рождая внутри светлую ностальгию.

Раньше я любила дождь. Теперь же, когда смотрела на то, как крупные капли разбиваются об оконное стекло, за которым властвовала чернильная ночь, я понимала, насколько ненавижу ливень. Такой, как этот. С привкусом тревоги и

опасности, которая таилась везде.

С тех пор, как Киаран исчез, прошло несколько дней. А может, недель или месяцев – мне было всё равно. Я потеряла счёт минутам и часам без него. Чаще всего сидела, глядя в одну точку перед собой, но иногда, набравшись храбрости, брала в руки книгу и читала. Сначала мне казалось, что она – лишь плод моего воображения, который исчезнет так же, как исчез Киаран. Ни слова не сказав, бесшумно, пока я спала.

Но строчки, начертанные на бумаге чьей-то рукой, были такими же явственными, как и раньше. Демоны, вампиры, чернокнижники... айраниты. Казалось, я могла почувствовать запах туманов и дыма, когда открывала страницы книги.

У меня ещё оставалась крохотная надежда на то, что Киаран вернётся, но и она вскоре растворилась. После я отчаянно лгала себе, что он поблизости. Просто не может быть и дальше возле меня, но продолжает так же следить за каждым моим передвижением, за каждым жестом, за каждым вдохом. Вскоре я распрощалась и с этим самообманом, потому что чувствовала – Киарана нет не только рядом со мной, но и в моём мире в принципе. Он вернулся к себе, в Шезгарт, куда я, по глупости своей, так желала попасть вместе с ним.

С того памятного вечера у меня было много времени на раздумья. Бесконечные часы, почти такие же, как и до его появления, только теперь с привкусом безысходности. До появления айранита у меня ещё была надежда, которую я так настойчиво в себе хоронила. Теперь не осталось и её. Погребённая под слоем пепла чужими жестокими и такими нежными руками, она больше не имела права на возрождение. Но я продолжала ждать.

В те вечера, когда с неба лил особенно сильный дождь, я выходила из дома, чтобы отыскать место, где мы впервые встретились. И возвращалась домой только под утро, чтобы начать новый, ничем не примечательный день. Но иногда, ночью, выключала свет и рисовала. Прикосновение пальцев к холсту казалось той тонкой ниточкой, которая была способна соединить два мира. Я лгала самой себе, а картины, которых у меня теперь было так много, что можно было заставить ими всю комнату – лгали мне.

Иногда мне снились сны. Почти такие же, как те, в которых ко мне приходил Киаран. Почти – потому что я знала – он не придёт. Они все всегда уходили и

больше не возвращались.

В тот вечер, когда моей беспрестанной пытке пришёл конец, разбушевавшаяся стихия, казалось, вознамерилась разрушить половину города. Срывала вывески, ломала ветви деревьев, обрушивая их на стоящие под ними машины. Тьма напознала сразу отовсюду, а наэлектризованный воздух был сухим и жёстким, словно из него выжгли весь кислород.

Повинуясь внезапному порыву, я вышла на крошечный балкон. Налетевший ветер хлестнул меня по лицу прядью моих волос. Огромная чёрная туча, ползущая из-за горизонта, расчерчивалась вспышками молний. Я всматривалась до рези в глазах в крышу дома напротив, но зрение обманывало меня. Мне чудилось, что я вижу несколько притаившихся теней, которые жадно, будто только и ждали, что я покину своё ненадёжное укрытие, вглядывались в мой силуэт в ответ.

Снова преддверие чего-то неминуемого засквозило в воздухе, и я решилась. Вернувшись в квартиру, плотно закрыла окно, надела пальто и обувь, окинула прихожую быстрым взглядом, будто желала попрощаться, и быстро, чтобы не передумать, вышла на улицу.

Капли дождя мгновенно намочили одежду и волосы, противные ледяные дорожки воды забрались за воротник пальто, но я не стала отвлекаться на такую ерунду – просто шла, почти бежала туда, где, возможно, сегодня меня ждал он.

Вот и следы на асфальте, несколько глубоких трещин, рисунок которых я запомнила досконально, потому что тогда, когда передо мной стоял Киаран, с его одежды на землю стекала кровь, смешиваясь с водой, а я не могла отвести взгляд от алых следов, растекающихся по асфальту. Всё было точно таким же, как и тогда. С одной лишь разницей. Айранита здесь не было.

Я расстроено вздохнула, прикусив нижнюю губу. Уверенность, что сегодня он вернётся, была такой сильной, что даже найдя доказательства отсутствия Киарана – как в этом проулке, так и в моей жизни – я не спешила расставаться с проклятой надеждой. Повернувшись на месте, я ещё раз осмотрелась, будто мне было нужно убедиться в том, что глаза меня не обманывают, и уже собралась

было вернуться домой, когда моё внимание привлекло странное колебание воздуха в паре метров от меня. Пространство, словно искажаясь, завихрялось, идя рябью. Так бывает, когда солнце за день нагреет воздух, и он маревом висит над поверхностью земли. Я так увлеклась увиденным, что не заметила, как кто-то приблизился ко мне сзади.

Моё предплечье обхватили чьи-то крепкие пальцы, заставляя вскрикнуть от боли и испуга, после чего толкнули вперёд, и я сделала несколько шагов туда, к этой странной штуке в воздухе. Кто-то цепко держал меня, не давая вырваться. И когда я почувствовала, как что-то затягивает меня в водоворот, поняла, что лишаюсь возможности дышать. Неотвратимость давила на меня сразу отовсюду. Пространство вокруг казалось сотканным из жидкого стекла. Я не могла ни пошевелиться, ни кричать, ни дышать. И только парализующий страх заставлял моё сердце биться где-то в висках. Но и он скоро исчез, когда сознание заволокло темнотой.

Очнулась я от того, что кто-то поднёс к моему лицу противно пахнущий кусочек ткани. Распахнув глаза, попыталась сфокусироваться на сухонькой старушке, которая смотрела на меня с беспокойной улыбкой, но тут же оставила попытки разглядеть её и снова зажмурилась.

– М-м-м, – простонала, чувствуя себя так, будто меня покинули все силы. – Где я?

– Ты в хорошем месте, милая. Тут тебя давно ждали.

Поморщившись, я всё же заставила себя открыть глаза и попыталась сесть. Несмотря на то, что я была почти обессилена, мною до сих пор владел страх. Я оказалась в незнакомом месте, меня окружали незнакомые люди – я успела разглядеть как минимум ещё двух присутствующих, когда передо мной возникла та же старушка, быстро накинувшая мне на плечи какую-то ткань – гладкую и прохладную наощупь.

– Кто меня ждал? – проговорила я хриплым голосом, потирая виски. – И определение «хорошее место» мне ни о чём не говорит.

– Думаю, хозяин обо всём тебе расскажет сам. Выпей.

Моих губ коснулся край металлической чаши, и я инстинктивно сделала первый глоток горьковатого напитка. Вкус был так себе, но стоило мне выпить половину, как я почувствовала, что дурнота отступает. Оказалось, что из всей моей одежды на мне осталось только нижнее бельё. Рядом, на широкой постели, лежал ворох одежды из кружева, шёлка, бархата и атласа.

– Кто такой хозяин? – задала я очередной вопрос, уже зная, что вряд ли дождусь ответа. И была права. Старушка проворно отставила чашу и начала перебирать платья, стопкой лежащие на широком кресле.

– Ты увидишь всё сама. А теперь тебе нужно одеться.

Я только сейчас поняла, что всё это время боялась осматриваться. Будто это могло избавить меня от того, чтобы я поверила в реальность произошедшего. Но то, чего касался мой взгляд, буквально кричало, что я нахожусь где угодно, но только не в своём мире. Или, как минимум, не в своём времени. Шезгарт? Как же я желала оказаться здесь, сидя у окна в своей квартирке, и как же сейчас всё новое пугало и сбивало с толку.

– Полагаю, на вопрос, зачем меня здесь ждали, вы тоже не ответите? – нахмурилась я, когда старушка начала одевать меня, будто я была маленьким ребёнком. А мне лишь оставалось поднимать руки или придерживать полы платья, когда на ноги мне надевали чулки.

– Ты обо всём узнаешь. Но не от меня. – Она посмотрела на меня ласково, разве что по щеке не потрепала, и я несмело улыбнулась в ответ.

Глубоко вздохнула, ненадолго расставаясь с надеждой разузнать что-нибудь до того, как увижусь с этим таинственным незнакомцем. Одно предположение, совершенно нелепое, но имеющее право на существование, не давало мне покоя. И я решила запастись терпением, зная, что вскоре получу ответы на все свои вопросы. Ну, или на большую их часть.

– Ты такая же красивая, как она, – пробормотал тот, кого старушка называла хозяином, обойдя меня ещё раз, словно я была манекеном в витрине магазина, а он – придирчивым покупателем. После чего остановился напротив, возвышаясь надо мной на две головы и, холодно улыбнувшись, протянул руку, невесомо

касаясь пальцами моего лица. – Эстель.

Моё имя он произнёс на выдохе, почти неслышно, будто боялся меня спугнуть. Но я почему-то не боялась. Передо мной был красивый молодой мужчина, тёмные глаза которого смотрели на меня испытующе, но в то же время восхищённо.

– Почему я оказалась здесь и кто вы? – всё же решилась я задать те два вопроса, которые мучили меня в этот момент сильнее всего.

– Ты очень любопытна, Эстель. Но я люблю эту черту в женщинах, она толкает на смелые открытия. Такие, на которые любая другая бы не решилась. – Он помолчал, подал мне руку и, когда я нехотя вложила в его пальцы ладонь, осторожно сжал её и подвёл меня к одному из двух кресел. – Я отвечу на один твой вопрос и пока умолчу о другом. Я князь фейри, властитель вулканов. Меня зовут Морхир, но ты можешь называть меня так, как захочешь.

– Например, хозяин?

Морхир восхищённо посмотрел на меня, прежде, чем тихо рассмеяться в ответ на мою дерзость. По крайней мере, мои слова казались мне таковыми.

– Нет, Эстель. Я не хотел бы, чтобы ты называла меня так. Для этого у меня есть те, кто готов исполнить любой мой приказ. Ты в их число неходишь.

– Это значит, что я могу покинуть вас, когда захочу?

– А ты этого желаешь? – В глазах Морхира сверкнула ярость, которую он тут же скрыл, и я выпрямилась в кресле, напоминая себе, что нахожусь в том месте, в котором физически ощущается опасность, и мне следует быть осторожной.

– А если да? – всё же решилась я задать вопрос.

– Ты – моя гостья. Я не хотел бы, чтобы ты желала покинуть меня так быстро. У меня есть всё для того, чтобы тебе было хорошо, и ты ни в чём не нуждалась. И я бы дал тебе отдохнуть чуть больше, но мне не терпелось познакомиться с тобой.

– Почему?

– Что – почему?

– Почему вам хотелось познакомиться со мной? Что во мне такого особенного?

– Для меня ты особенная. Это всё, что я могу пока тебе сказать.

– Слишком много «пока» для той, кто не знает, что ждёт её дальше.

– Это ненадолго. Я обещаю, что не причиню тебе вреда. И обеспечу тебя всем, чего только ни пожелаешь. Ты чего-то боишься?

– Нет. И в то же время, да. Я ничего не знаю о месте, в котором оказалась. Мой страх вполне объясним.

– Конечно. Именно поэтому рядом с тобой будет находиться страж, которому я могу тебя доверить. Сейчас ты познакомишься с ним.

Морхир бросил на меня взгляд, от которого мне стало не по себе, после чего дал знак одному из слуг, и тот, коротко кивнув, выскользнул за дверь.

– Значит, передвижения по этому... дворцу под запретом?

– Напротив. Ты можешь ходить, куда тебе вздумается. Он будет следовать за тобой везде.

– Следить?

– Защищать.

– От чего?

– От всего. От любой опасности, от неверных шагов. От самого себя. Вина?

– Что?

– Выпьешь со мной вина?

– Спасибо, немного.

Морхир кивнул и, не прибегая к помощи слуги, налил в бокал немного напитка насыщенного вишнёвого цвета, после протянув его мне. В его словах было очень много непонятного, но я не спешила задавать вопросов. Просто знала, что он ответит лишь на те, на которые сочтёт нужным. Потому предпочла ждать, не зная, что принесёт мне следующее мгновение.

Отпив глоток вина, я посмотрела на Морхира, который вновь устроился в кресле рядом. Его взгляд, который блуждал по мне, словно раздевая, не вызывал ни отвращения, ни интереса. Скорее рождал во мне опаску, потому что я чувствовала, как мужчина жадно следит за каждым моим движением.

Дверь в комнату открылась, и я с интересом посмотрела на вошедших. Интерес исчез так же быстро, как и появился. Бокал с недопитым вином выскользнул из моих пальцев, а с губ сорвался приглушённый вскрик, когда в одном из мужчин я узнала Киарана. Он был совсем другим, и в то же время в каждом его движении, в том, каким взглядом он посмотрел на меня, я узнавала своего айранита. Своего ли? В этом я очень сильно сомневалась.

Морхир же внимательно, будто наблюдая за чрезвычайно интересным событием, вглядывался в моё лицо. Безотрывно, будто хотел прочитать любой мелькнувший на нём оттенок эмоций.

– Дорогая, что-то не так? – с неподдельным участием спросил он, наконец заставляя меня отвести взгляд от Киарана и перевести его на князя.

– Нет, всё... так, – соврала я, слыша, как глухо звучит мой голос.

– Хорошо. Это Киаран. Как я и говорил, он будет сопровождать тебя всюду, куда бы ты ни направилась. В моём замке, разумеется.

Он снова подал мне руку, и я поднялась из кресла, стараясь смотреть куда угодно, но только не на Киарана. У меня было столько вопросов, на которые я пока не могла получить ответа, что они начали сводить меня с ума. Но самым

ужасающим было чувство, будто меня предали. Айранит знал, что я окажусь здесь, но был безразличен к тому, что я – гостя другого мужчины, который меня взглядом разве что не раздел.

– Я... могу идти?

– Разумеется. Киаран проводит тебя. Он будет находиться рядом постоянно. Вскоре ты привыкнешь к этому. А после и вовсе станешь воспринимать его... как вещь. До встречи за ужином, дорогая.

Невесомое касание губ Морхира к моей ладони, его взгляд, в котором было столь много всего, что я отчаялась понять, чего в нём больше: восхищения или угрозы – и вот я иду к распахнутым передо мною дверям, слыша позади себя шаги того, кого так хотела видеть все последние бесконечные дни. Только теперь всё иначе. И мне ещё предстояло понять, что именно ждёт меня впереди.

* * *

– Ты касался её?

Голос Морхира звучал ровно, но я различил в его тоне угрожающие нотки. Несмотря на это, отвечать не стал. Не хотел лгать. И не хотел говорить о том, что было между мной и Эстель, словно одно только упоминание об этом в чужом присутствии способно было запачкать чистоту и трепетность моих воспоминаний.

Вкус её губ, жар тела, каждый вздох и стон принадлежали мне. Совсем недолго, но оставили в душе несмываемый отпечаток. Я не мог забыть, как целовал её, послав к тьме все запреты, как одуряюще и пьяняще действовал на меня запах и вкус собственной крови, которую я слизывал с её губ, словно мог привязать к себе Эстель навечно этими кровавыми узами. Мысли о том, какая она была тесная и влажная, когда я входил в нее пальцами, сводили с ума, заставляя мучиться невозможностью прикоснуться к ней снова. Если бы она не уснула, едва коснувшись головой подушки, я мог бы не устоять перед тем, чтобы сделать её своей. Это желание стало таким неудержимым, что за возможность обладать ею даже всего один-единственный раз, мне не жаль было бы отдать жизнь. Без Эстель она все равно ничего не стоила.

Я знал, что за украденные мгновения счастья, такие мимолётные, но непередаваемо острые, неминуемо придет расплата. Поэтому стоило только Эстель уснуть, нисколько не удивился, когда ощутил, как меня призывает князь.

Перемещение по призыву – далеко не то же самое, что воспользоваться порталом. Это болезненный процесс с зачастую непредвиденными последствиями. Меня сотрясло от колебаний, словно я был водой в сосуде, которую кому-то вздумалось встряхнуть перед тем, как перелить в другой сосуд. Казалось, что тело перемещается из одной реальности в другую по крохотной капле, намеренно мучительно и медленно. И я не мог этому противиться. Клятва, которую я дал Морхиру, позволяла ему управлять мной, как заблагорассудится. Что он и делал.

И так как призывал он меня одного – Эстель подобного испытания просто не вынесла бы – значит, он наверняка был чем-то недоволен. Значит, знал то, что я позволил себе по отношению к женщине, которую он считал своей.

И вот теперь я стоял перед ним на коленях, а князь все туже затягивал на моей шее кожаную удавку, словно ошейник на провинившемся псе.

– Отвечай! – приказал Морхир и натянул её сильнее. Вены у меня на шее вздулись, воздуха становилось все меньше. И чем тяжелее я дышал, тем сильнее в крови бушевала зарождающаяся ярость. Я был опасно близок к тому, чтобы накинуться на того, кого долгое время считал своим благодетелем.

Только понимание, что мне не под силу будет одолеть князя, обладающего магией, которой я не владел, в его же собственном дворце, среди преданных ему слуг, останавливало меня от безумного желания вытрясти душу из того, кто присвоил себе Эстель, словно она была бездушной куклой. Эстель... скоро она окажется здесь. Окажется одна, ничего не зная о том, что Морхир представляет из себя на самом деле. Я мог бы ей помочь. Если только выживу, если найду в себе силы по-прежнему подчиняться этому монстру... тогда...

Мысли путались. Я слышал голос князя, но смысл его слов доходил до меня с трудом. Я скорее догадывался, чем понимал то, о чем он меня спрашивал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/blek_tati/izgoy-isterzannye-kryl-ya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)